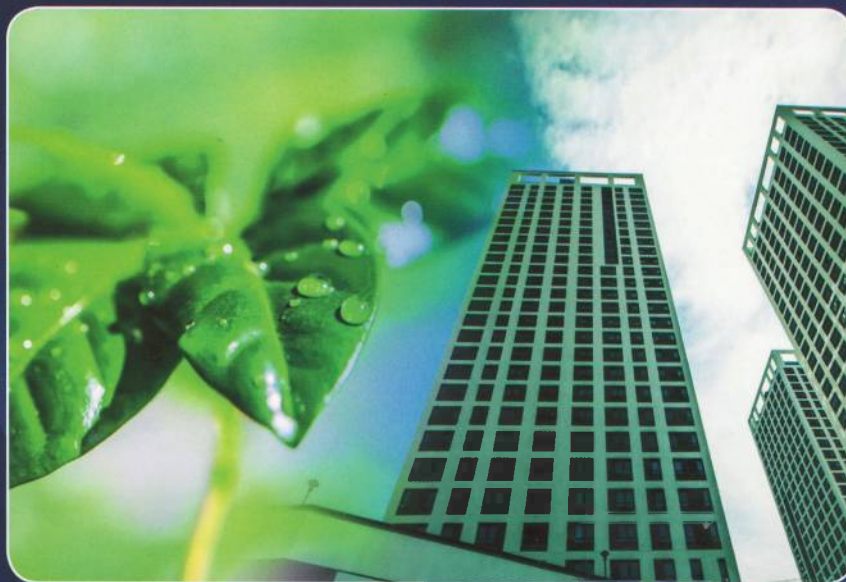

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

№ 7

июль 2022

«Право, являясь общественным и правовым объединяющим элементом социальных отношений, способствует реализации должного поведения индивида в обществе, основывающегося на необходимости соблюдения не только этических норм, но и закреплённых в праве базисных элементов необходимых действий к природным ресурсам»

Юн Л.В. «Субъекты и объекты конституционных экологических прав как элементы экологических правоотношений»

Стр. 50

- Применение в России европейской модели COMI для определения подсудности дел о банкротстве
- Апелляционные решения по уголовным делам в аспекте изложения краткого содержания решения суда первой инстанции
- Освобождение от уголовной ответственности лиц, прошедших криминальное обучение: нормативные и прикладные проблемы реализации
- «Цифровое» и «электронное» доказательство — pro et contra: проблемы терминологии
- К вопросу об особенностях процедуры продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

ISSN 1812-3791

9 771812 379776 >

РОССИЙСКИЙ СУДЬЯ

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЕ И ИНФОРМАЦИОННОЕ ИЗДАНИЕ.

Зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

ПИ № ФС77-57988 от 28 апреля 2014 г. Журнал выходит с 1998 г. Издаётся ежемесячно.

№ 7/2022

Учредители: ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА «ЮРИСТ», СУДЕБНЫЙ ДЕПАРТАМЕНТ ПРИ ВЕРХОВНОМ СУДЕ РФ

СОДЕРЖАНИЕ

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

3 Бачурин В.В. Применение в России европейской модели СОМІ для определения подсудности дел о банкротстве

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

9 Шекшуева О.Н. Судебно-контрольная деятельность и доказывание в досудебном производстве

15 Арсентьева С.С., Савченко А.Н. Апелляционные решения по уголовным делам в аспекте изложения краткого содержания решения суда первой инстанции

19 Гарбатович Д.А. Кража (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ): особенность квалификации по субъективной стороне

22 Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности лиц, прошедших криминальное обучение: нормативные и прикладные проблемы реализации

29 Питкевич Л.П., Лакина И.А. Профилактика распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах, в которых отбывают наказания осужденные к принудительным работам

32 Маджумаяв М. Квазимассовость в криминальной кооперации: количественные признаки участников массовых беспорядков

38 Полицан Д.А. «Цифровое» и «электронное» доказательство — pro et contra: проблемы терминологии

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО И ПРОЦЕСС

45 Шеншин В.М. Обжалование как институт российского права

50 Юн Л.В. Субъекты и объекты конституционных экологических прав как элементы экологических правоотношений

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ

53 Кирюченко И.И. Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

57 Дербишева О.А., Кудрявцева И.В. Значение стадии подготовки дел к судебному разбирательству и ее задачи

ТРИБУНА ПОМОЩНИКА СУДЬИ

61 Цилюрик У.С. К вопросу об особенностях процедуры продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

Подписка по России:

«Почта России». Электронный каталог — П1774, а также через www.lawinfo.ru

Формат 60 x 90/8. Печать офсетная.

Бумага офсетная № 1.

Физ. печ. л. 6,0. Усл. печ. л. 6,0.

Тираж 4000 экз. Цена свободная.

Подписано в печать: 20.06.2022.

Дата выхода в свет: 30.06.2022.

Отпечатано в ООО «Национальная полиграфическая группа».

248031, г. Калуга, ул. Светлая, д. 2.

ISSN 1812-3791

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР ЖУРНАЛА:

Бабкин А.И.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Алауханов Е.О., д.ю.н., профессор, заслуженный деятель Республики Казахстан;

Андреева Т.К., к.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Гусев А.В., д.э.н., профессор;

Добрынин К.Э., статс-секретарь Федеральной палаты адвокатов РФ;

Ершов В.В., д.ю.н., профессор;

Запольский С.В., д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Зорькин В.Д., Председатель Конституционного Суда РФ, д.ю.н., профессор;

Лебедев В.М., Председатель Верховного Суда РФ, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Сидоренко Ю.И., судья Верховного Суда РФ в отставке

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Дедов Д.И., д.ю.н., доцент;

Жилин Г.А., судья Конституционного Суда РФ в отставке, д.ю.н., профессор, заслуженный юрист РФ;

Нешатаева Т.Н., судья Суда

Евразийского экономического союза, д.ю.н., профессор;

Орлов А.В., председатель Арбитражного суда Центрального округа, к.ю.н.

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Гриб В.В., д.ю.н., профессор, академик РАО, заслуженный юрист РФ

ЗАМЕСТИТЕЛИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ГРУППЫ «ЮРИСТ»:

Бабкин А.И., Бельх В.С., Ренов Э.Н.,

Платонова О.Ф., Трунцевский Ю.В.

ЦЕНТР РЕДАКЦИОННОЙ ПОДПИСКИ:

Тел.: (495) 617-18-88 (многоканальный)

Фото на обложке: фотобанк Лори

РЕДАКЦИЯ: Лаптева Е.А., Соловьева Д.В.

ВЕРСТКА: Курукина Е.И.

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ И КОРРЕКТУРА:

Швечкова О.А., к.ю.н.

Телефон редакции: (495) 953-91-08.

Адрес редакции / издателя:

115035, г. Москва, Космодамианская наб., д. 26/55, стр. 7.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

Журнал включен в базу данных

Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Журнал рекомендован Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации для публикаций основных результатов диссертаций на соискание ученых степеней кандидата и доктора наук (12.00.02; 12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — юридические науки).

Полная или частичная перепечатка материалов без письменного разрешения авторов статей или редакции преследуется по закону.

RUSSIAN JUDGE

SCIENCE-PRACTICE AND INFORMATIONAL EDITION.
REGISTERED AT THE FEDERAL SERVICE FOR THE MONITORING IN THE SPHERE
OF MASS COMMUNICATIONS, COMMUNICATION AND PROTECTION OF CULTURAL HERITAGE.
PI No. FC77-57988. APRIL 28, 2014. PUBLISHED SINCE 1998. PUBLISHED MONTHLY.

No. 7/2022

Founders: JURIST PUBLISHING GROUP, JUDICIAL DEPARTMENT AT THE SUPREME COURT OF THE RF

CONTENTS

CIVIL LAW AND PROCEDURE

3 V.V. Bachurin. The Use of the European Model of COMI in Russia to Determine the Jurisdiction of Bankruptcy Cases

CRIMINAL LAW AND PROCEDURE

9 O.N. Shekshueva. Judicial and Controlling Activities and Proving in Pre-Trial Proceedings

15 S.S. Arsenyeva, A.N. Savchenko. Appeal Judgements in Criminal Cases in Terms of Brief Narration of the First Instance Court Ruling

19 D.A. Garbatovich. Theft (Clause d of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation): Specific Features of Qualification Based on the Subjective Aspect

22 V.V. Vlasenko. Release from Criminal Responsibility of Persons after Criminal Studies: Regulatory and Applied Problems of Implementation

29 L.P. Pitkevich, I.A. Lakina. Prevention of Dissemination of Criminal Subculture in Correction Centers Where the Convicted to Compulsory Labor Serve Their Sentence

32 M. Madzhumayev. Quasi Mass Character in Criminal Cooperation: Quantitative Signs of Mass Unrest Participants

38 D.A. Politsan. "Digital" and "Electronic" Evidence — Pro et Contra: Problems of Terminology

ADMINISTRATIVE LAW AND PROCEDURE

45 V.M. Shenshin. Appeal as a Russian Law Institute

50 L.V. Yun. Subjects and Objects of Constitutional Environmental Rights as the Elements of Environmental Relations

THE JUDICIARY

53 I.I. Kiryuschenko. Openness and Transparent Nature of the Information on Court Activities in Terms of Judiciary Staff Establishment

FOREIGN EXPERIENCE

57 O.A. Derbisheva, I.V. Kudryavtseva. The Meaning of a Stage of Preparation of Cases for Judicial Proceedings and Its Tasks

ASSISTANT JUDGE TRIBUNE

61 U.S. Tsilyurik. On Specific Features of the Procedure for Extension of the Exclusivity Period in Respect of an Invention in the Medical Technology Sphere

Subscription in Russia:
Russian Post. Digital Catalogue — П1774
and also through www.lawinfo.ru
Size 60 x 90/8.

Offset printing. Offset paper № 1. Printer's sheet 6,0.
Conventional printed sheet 6,0.

Circulation 4000 copies. Free market price.
Passed for printing: 20.06.2022.

Edition was published: 30.06.2022.
Printed by National Polygraphic Group Ltd.
2, Svetlaya st., Kaluga, 248031.
ISSN 1812-3791

EDITOR IN CHIEF OF JOURNAL:

Babkin A.I.

EDITORIAL BOARD:

Alaukhanov E.O., LL.D., Professor,
Honored worker of the Republic of Kazakhstan;

Andreeva T.K., PhD (Law), Professor,
Honored Lawyer of the RF;

Gusev A.V., Doctor of Economics, Professor;

Dobrynin K.E., the State Secretary
of the Federal Chamber of Lawyers of the RF;

Ershov V.V., LL.D., Professor;

Zapol'skij S.V., LL.D., Professor,
Honored Lawyer of the Russian Federation;

Zor'kin V.D., Chairman, the Constitutional Court of the RF,
LL.D., Professor;

Lebedev V.M., Chairman, the Supreme Court
of the RF, LL.D., Professor,

Honored Lawyer of the Russian Federation;

Sidorenko Yu.I., Judge of the Supreme Court (retired)

EDITORIAL STAFF:

Dedov D.I., LL.D., Associate Professor;

Zhilin G.A., Judge of the Constitutional Court of the RF
in resignation, LL.D., Professor, Honored Lawyer of the RF;

Neshataeva T.N., Judge of the Court of the Eurasian Economic
Union, LL.D., Professor;

Orlov A.V., the Chairman of the Arbitration court
of the Central district, PhD (Law)

EDITOR IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Grib V.V., LL.D., Professor, Academician of the RAE, Honored
Lawyer of the RF

DEPUTY EDITORS IN CHIEF OF JURIST PUBLISHING GROUP:

Babkin A.I., Belykh V.S., Renov E.N., Platonova O.F.,
Trunchevskij Yu.V.

CENTRE FOR EDITORIAL SUBSCRIPTION:

Tel.: (495) 617-18-88 (multichannel)
Photo of the cover: Lori Photobank

EDITORIAL OFFICE: Lapteva E.A., Solovyova D.V.

LAYOUT: Kurukina E.I.

SCIENTIFIC EDITING AND PROOFREADING:

Shvechkova O.A., PhD (Law)

Telephone of the Editorial Staff: (495) 953-91-08.

Address of Editorial office / Publisher:

Bldg. 7, 26/55, Kosmodamianskaya Emb, Moscow, 115035.

E-mail: avtor@lawinfo.ru

The journal is included in the database Russian science citation index.

Recommended by the Supreme Attestation Commission under
the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation
for publications of results of PhD and doctoral theses (12.00.02;
12.00.03; 12.00.10; 12.00.11; 12.00.15 — law science).
Copyright reserved. Complete or partial reproduction of authors'
materials without prior written permission of the authors
or the Editorial Staff shall be subject to legal prosecution.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-3-8

Применение в России европейской модели COMI для определения подсудности дел о банкротстве

Бачурин Владимир Валерьевич,
адвокат Адвокатского бюро города Москвы «Прайм»
bachurin@advocatprime.ru

В российском законодательстве закреплена императивная норма рассмотрения судом дел о банкротстве по месту нахождения юридического лица или месту жительства гражданина.

В Европе, где вопрос подсудности дел о банкротстве стоит более остро, поскольку является вопросом применимого права, выработан более мягкий подход — применяется модель рассмотрения дел в центре основных интересов должника (center of main interests of debtor, сокращенно — COMI).

В статье предпринята попытка переложить европейскую модель COMI на российские правовые реалии и решить, готов ли российский правопорядок к ее рецепции.

Ключевые слова: банкротство, банкротный туризм, территориальная подсудность, COMI.

The Use of the European Model of COMI in Russia to Determine the Jurisdiction of Bankruptcy Cases

Vladimir V. Bachurin
Lawyer of the Prime Moscow Law Firm

Russian legislation establishes an imperative norm for the court to consider bankruptcy cases at the location of a legal entity or the place of residence of a citizen.

In Europe, where the issue of jurisdiction of bankruptcy cases is more acute, since it is a matter of applicable law, a softer approach has been developed — a model of considering cases in the center of the debtor's main interests (center of main interests of debtor, abbreviated — COMI) is used.

The article attempts to shift the European COMBI model to the Russian legal realities and decide whether the Russian legal order is ready for its reception.

Keywords: bankruptcy, forum shopping, territorial jurisdiction, COMI.

1. Европейская модель «COMI»

Согласно Регламенту ЕС по делам о несостоятельности № 2015/848¹, основное производство по делу о банкротстве подсудно суду государства — члена ЕС, на территории которого находится центр основных интересов должника (COMI), который определяется через два критерия:

— управление своими делами должник на регулярной основе осуществляет из этого центра;

— управление делами именно из этого центра очевидно для третьих лиц.

Идея очевидности места нахождения COMI для третьих лиц раскрыта Европейским судом в деле о банкротстве Intere-

dil Srl², в котором суд сделал вывод о том, что если место зарегистрированного офиса и место фактического ведения деятельности не совпадают, то для правильного определения COMI необходимо учесть такие факторы как: местонахождение имущества должника, регион заключения должником договоров аренды имущества, места открытия банковских счетов. При этом ни один из этих фактов сам по себе не может свидетельствовать об отличном от зарегистрированного месте COMI, если это было неочевидно для кредиторов³.

² ECJ 20.11.2011, Re Interedil Srl, in liquidation v Fallimento Interedil Srl and Intesa Gestione Crediti SpA (case C-369/09).

³ Tirado Ignacio. An Evolution of COMI in the European Insolvency Regulation: From 'Insolvenzimperialismus' to the Recast, 2015. URL: <https://ssrn.com/abstract=2688169> (дата обращения: 20.12.2021).

¹ URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A32015R0848&qid=1639932114224> (дата обращения: 19.12.2021).

В Регламенте ЕС по делам о несостоятельности также содержится определение понятия «forum shopping», под которым понимается смена территориальной подсудности спора о банкротстве с целью получить более благоприятное правовое положение⁴.

Предлагаемый регламентом способ предотвратить злоупотребления в этой области следующий: устанавливается период подозрительности: для компаний — 3 месяца, для физических лиц — 6 месяцев, в который смена адреса регистрации офиса (или места жительства) не будет «включать» презумпцию о совпадении.

Установление такого периода сняло ряд случаев forum shopping, описанных в литературе: смену адреса накануне банкротства и смену адреса в период между подачей заявления и введением процедуры банкротства⁵, однако решение вопроса о добросовестности при смене СОМІ потребовало более гибких подходов.

Практикой Европейского суда выработано два критерия для определения — состоялось ли злоупотребление правом при смене СОМІ или нет: объективный и субъективный. Объективный критерий предполагает, что, несмотря на формальное соблюдение норм европейского права при смене юрисдикции, цель нормы не достигнута. Субъективный критерий заключается в доказанном намерении получить преимущество от смены юрисдикции⁶.

Как было показано выше, ключевой целью нормы о банкротстве в месте нахождения СОМІ является предсказуемость места рассмотрения спора для кредиторов. Именно через эту призму должен разрешаться вопрос о наличии

злоупотреблений при смене центра экономического интереса.

Такая логика дает удивительный эффект — смена зарегистрированного офиса даже в период подозрительности может не повлиять на решение суда о наличии злоупотреблений в действиях должника. В литературе приводится пример несостоятельности группы компаний PIN, рассмотренный судом Германии. Компания была зарегистрирована в Люксембурге, а бизнес через дочерние компании вела на территории Германии. Накануне банкротства компания сместила свой СОМІ из Люксембурга в Германию, мотивировав это тем, что все дочерние компании находятся в Германии и процесс реструктуризации материнской будет удобнее, если его проводить в той же юрисдикции. Суд посчитал, что такая смена СОМІ осуществлена в интересах кредиторов, в связи с чем цель нормы Регламента — предсказуемость для кредиторов — соблюдена, а значит, и нет злоупотреблений⁷.

Также примечательно дело компании Codere Finance, в котором английский суд установил, что должник совместно со своими кредиторами разработал схему, которая позволила осуществить банкротство в Англии, а не в месте регистрации офиса компании (Испания). Данные действия не были признаны злоупотреблением, поскольку было установлено, что таким способом кредиторы и должник пытались совместно минимизировать издержки на проведение процедуры⁸.

Таким образом, европейский опыт говорит о том, что изменение подсудности в преддверии банкротства не всегда является злоупотреблением и может быть осуществлено добросовестно, в интересах всех кредиторов и должника.

2. Российское законодательство

Российское законодательство придерживается императивного правила о

⁴ (5) Regulation (EU) 2015/848 of 20 May 2015 on insolvency proceedings.

⁵ Ringe Wolf-Georg. Forum Shopping Under the EU Insolvency Regulation // Oxford Legal Studies Research Paper No. 33/2008, 2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1209822> (дата обращения: 22.12.2021).

⁶ Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон. 2020. № 9. С. 98–99.

⁷ Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э. Указ. соч. С. 102.

⁸ Григорьев В. Банкротный туризм юридических лиц: торжество формы или содержания? // Цивилистика. 2020. № 6. С. 182.

подсудности спора о банкротстве компании суду по месту ее регистрации, а граждан — по месту жительства гражданина.

Данный подход не позволяет сместить место рассмотрения спора о банкротстве в центр нахождения основных интересов должника по европейской модели СОМІ.

В Российской Федерации (далее также — РФ) вопрос о выборе правопорядка в зависимости от территориальной подсудности спора не стоит, в связи с чем может показаться, что для участвующих в деле лиц не имеет принципиального значения то, какой именно суд будет рассматривать дело о банкротстве — применимое право от этого не поменяется.

В действительности это не так.

Прежде всего географические характеристики РФ ставят вопрос о территориальной подсудности крайне остро. Дело о банкротстве в России может рассматриваться в любом месте — от Калининграда до Владивостока, расстояние между которыми не идет в сравнение с расстоянием, которое необходимо преодолеть кредитору в Европе для участия в деле о банкротстве. Возбуждение дела о банкротстве в слишком отдаленном регионе может повлиять на принятие кредитором отрицательного решения о возможности в принципе участия в таком деле.

Количество и уровень профессионализма лиц, оказывающих услуги в рамках банкротных процедур (юристы, арбитражные управляющие, оценщики, организаторы торгов, торговые площадки), могут сильно отличаться от региона к региону и, таким образом, сказываться как на стоимости ведения процедуры, так и на ее скорости и эффективности.

Таким образом, вопрос о территориальной подсудности дел о банкротстве в РФ носит отнюдь не праздный характер. Учитывая, что при регулировании самой процедуры банкротства российский правопорядок придерживается «прокредиторского» подхода, удивительно что при решении вопроса о месте рассмотрения дела о банкротстве подход ровно противоположный — дело рассматривается там, где удобно должнику.

Единственным законодательно закрепленным случаем, когда дело о банкротстве может рассматриваться не судом по адресу регистрации юридического лица (месту жительства гражданина), является процедура банкротства застройщика.

В п. 4 ст. 201.1 Закона о банкротстве предусмотрено, что дело о банкротстве застройщика может быть передано на рассмотрение арбитражного суда по месту нахождения объекта строительства или земельного участка либо по месту жительства или месту нахождения большинства участников строительства.

При этом при решении вопроса, в какой суд направить дело о банкротстве застройщика, предлагается руководствоваться следующим принципом — «передача (дела) будет способствовать более эффективной защите прав участников строительства».

Признавая, что от подсудности спора может зависеть эффективность защиты прав кредиторов, законодатель подтверждает тезисы, изложенные выше, — территориальная подсудность дела о банкротстве имеет существенное значение для кредитора в России.

Разрешая судам передачу дела о банкротстве вне зависимости от места регистрации застройщика — в место его фактической деятельности, российский закон в отдельном конкретном случае усеченно применяет европейский критерий СОМІ для определения подсудности дела о банкротстве. Ведь именно в месте фактического строительства объекта кредиторы ожидали получить исполнение от должника, и именно подсудность спора о банкротстве по месту строительства ими предполагалась и была для них очевидна в момент принятия решения о вступлении с должником в сделку.

Понятно, что данное решение законодателя носит политико-правовой характер — желание упростить доступ к процедуре банкротства обманутым дольщикам в данном конкретном случае стоит выше принятой жесткой системы определения подсудности рассмотрения дел о банкротстве.

Однако остается неясным, по какой причине аналогичные возражения касательно места рассмотрения дела о банкротстве не доступны другим лицам, которых также принято защищать в нашем правовом порядке. К примеру, те же потребители (пользователи услуг страховых, туристических компаний), которые, вступив в отношения с должником, ожидали исполнения в своем регионе, ровно по той же логике не должны претерпевать неудобства от того, что местом регистрации должника является отдаленный от них субъект РФ.

Более гибкие правила установления центра основных интересов должника для определения надлежащего места рассмотрения спора о банкротстве позволили бы снять данную проблему.

3. Использование модели СОМІ в практике российских судов

ВС РФ в 2019 г. рассмотрел ряд дел, которые показывают, что российский правовой порядок нуждается в пересмотре безапелляционной привязки места рассмотрения дела о банкротстве к месту регистрации компании или месту жительства гражданина. Практика столкнулась с проблемой «банкротного туризма» — случаями умышленной смены территориальной подсудности накануне банкротства, проблемы, аналогичной проблеме *forum shopping*, описанной выше.

Отличие российского «банкротного туризма» от европейского «*forum shopping*» в том, что в случае смены адреса с целью изменить подсудность спора в России добросовестность поведения в принципе исключается, поэтому банкротный туризм в России — это случаи исключительно злоупотребления правом.

Первое рассмотренное Верховным Судом дело о банкротном туризме — это дело о банкротстве Баженова Ф.В.⁹

Обстоятельства дела следующие. Кредитор обратился в АС Московской области с требованием о признании

Баженова Ф.В. банкротом. На следующий день, еще до принятия судом дела к производству, должник сменил место жительства на Рязанскую область, а еще на следующий день уже сам обратился в АС Рязанской области с заявлением о собственном банкротстве. Далее московским областным судом уже рассматривалось ходатайство Баженова Ф.В. о возвращении заявления кредитора в связи с нарушением правил о подсудности спора.

Верховный Суд установил, что дело подсудно АС Московской области, указав следующее. Предполагается, что место жительства гражданина совпадает с местом его регистрационного учета, однако в исключительных случаях настоящее место жительства должника может не совпадать с информацией, содержащейся в документах регистрационного учета. В условиях, когда смена регистрации произведена после подачи заявления о банкротстве, бремя доказывания реальной смены места жительства лежит на должнике.

Предложенное судом решение крайне похоже на то, что предлагается в Регламенте ЕС по делам о несостоятельности. Вместе с тем в случае применения европейского регламента кейс мог решаться еще проще — презумпция совпадения адреса места жительства с адресом регистрации просто не должна была сбрасываться, поскольку смена адреса совершена в «период подозрительности».

Следующее дело, рассмотренное ВС РФ о банкротном туризме, кажется, еще больше приблизило российский правовой порядок к определению места рассмотрения дела о банкротстве по критерию СОМІ.

Это дело о банкротстве Чака С.М.¹⁰

Фабула дела очень схожа с предыдущим с единственным отличием — должник Чак С.М. сменил место жительства, не дожидаясь, пока кредиторы обратятся в суд с заявлением о банкротстве, а сделал это сразу же после публикации кредиторами заявления о таком намерении в ЕФРСБ.

⁹ Определение СКЭС ВС РФ от 25 февраля 2019 г. № 305-ЭС18-163278 // СПС «Консультант-Плюс».

¹⁰ Определение СКЭС ВС РФ от 21 марта 2019 г. № 308-ЭС18-25635 8 // СПС «Консультант-Плюс».

Суд по делу при этом установил дополнительные важные обстоятельства: значительная часть имущества Чака С.М., большинство его кредиторов, а также юридических лиц, с которыми он связан корпоративными связями, находились в г. Москве. Суд пришел к выводу, что «центром тяготения экономических интересов должника» является город Москва, поэтому спор о его банкротстве должен быть рассмотрен АС города Москвы.

Аргументы и использованные судом формулировки в этом деле явно указывают на применение вышеописанной модели СОМІ — центра основных интересов должника, как основания для определения территориальной подсудности спора о банкротстве. Единственное отличие, что суд рассматривал вопрос, когда применение данной модели было явно излишним, поскольку смена должником места жительства после публикации сведений о намерении обратиться в суд с заявлением о его банкротстве, так же, как в деле о банкротстве Баженова Ф.В., свидетельствовала о злоупотреблении правом и необходимости переложить бремя доказывания обратного.

Устойчивой практики, где бы суды указывали на «центр тяготения экономических интересов должника» в качестве единственного основания для рассмотрения дела по месту нахождения такого центра, а не по месту регистрации должника, в настоящее время нет.

Однако потребность именно в таком регулировании явно ощущается, что хорошо видно в следующем примере — дело о банкротстве Жданова Д.А., рассмотренное АС Московского округа¹¹.

Обстоятельства дела следующие. Гражданин обратился в АС города Москвы с заявлением о собственном банкротстве, однако суд ему отказал, мотивировав данное решение тем, что должник имеет постоянную регистрацию на территории Тюменской области. Московская кассация, отменяя судебный акт первой

инстанции и отправляя дело на рассмотрение в АС города Москвы, указала на то, что должник на протяжении нескольких последних лет постоянно осуществляет трудовую деятельность и получает заработную плату в г. Москве, а его регистрация на территории Тюменской области носит формальный характер.

Таким образом, в данном деле суд, несмотря на наличие у должника места постоянной регистрации, счел данную регистрацию формальной, фактически определив центр интересов должника по месту осуществления им трудовой деятельности.

Отдельно стоит вопрос о применении аналогичных подходов к делам о банкротстве юридических лиц.

Проблема в том, что практика, сформированная ВС РФ, касается исключительно банкротства граждан и основывается на разграничении понятий «место жительства» гражданина и «место постоянной регистрации» гражданина. Для юридических лиц такого разграничения нет — по действующему законодательству местом нахождения юридического лица является место его государственной регистрации.

С другой стороны, представляется, что логика АС Московского округа, использованная в деле о банкротстве Жданова Д.А., о том, что регистрация носит формальный характер (т.е. по сути в случае расхождения с фактическим местом осуществления деятельности является самостоятельным составом злоупотребления правом для юридических лиц), может быть применима и в деле о банкротстве корпораций.

Так, в деле о банкротстве ООО «Интеркор Рус»¹² Девятый арбитражный апелляционный суд, сославшись на дела Баженова В.Ф. и Чака С.М., отменил определение суда первой инстанции о передаче дела по подсудности. Должник в данном случае сменил место регистрации в период между подачей заявления

¹¹ Постановление АС Московского округа от 25 декабря 2019 г. по делу № А40-250574/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

¹² Постановление 9 арбитражного апелляционного суда от 3 ноября 2020 г. по делу № А40-76340/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

о банкротстве и принятием его к производству.

Интерес вызывает дело о банкротстве ООО «Эктоойл», рассмотренное Арбитражным судом Поволжского округа¹³. В данном деле кредитор сменил адрес регистрации с Астраханской области на Чеченскую Республику за 2 месяца до публикации в ЕФРСБ уведомления кредитора о намерении обратиться в суд с заявлением о банкротстве. Суд в данном деле для определения подсудности устанавливал действительный центр экономических интересов должника, оценивая доводы кредитора о несовпадении данного центра с местом регистрации. Суд прямо указал на то, что место государственной регистрации юридического лица — это опровержимая презумпция места его нахождения, явно разрешая спор *contra legem*, однако четко следуя определению подсудности спора по европейской модели СОМІ.

Судом установлено, что на территории Астраханской области находились все кредиторы и имущество должника; должником открыт счет в банке на территории Астраханской области. Суд сделал вывод о том, что центром тяготения экономических интересов ООО «Эктоойл» является Астраханская область.

Смелый подход к разрешению проблемы АС Поволжского округа, с одной

стороны, заслуживает поддержки, а с другой стороны, еще более выпукло показывает недостатки жесткой модели регулирования подхода к территориальной подсудности дел о банкротстве, избранной российским законодателем.

4. Выводы

Модель СОМІ, применяемая в Европе для определения подсудности спора о банкротстве, в современных условиях кажется более эффективной и справедливой по отношению к кредиторам.

Российский правовой порядок это чувствует, и первый шаг на пути полноценного применения данной модели Верховным Судом РФ сделан еще в 2019 г.

Проанализированная в настоящей статье практика российских судов по пресечению недобросовестного банкротного туризма показывает, что правовой порядок уже готов для следующего шага — ослабления императивных правил о подсудности дел о банкротстве исключительно по месту регистрации компаний (месту жительства граждан). Судам удалось выработать устойчивые критерии, свидетельствующие о том, что место регистрации не совпадает с центром экономических интересов должника — это и место нахождения имущества, открытия счетов для юридических лиц, и место осуществления постоянной трудовой деятельности для граждан, и очевидность перечисленных обстоятельств для кредиторов должника.

¹³ Постановление АС Поволжского округа от 23 января 2020 г. по делу № А06-9855/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Григорьев В. Банкротный туризм юридических лиц: торжество формы или содержания? / В. Григорьев // *Цивилистика*. 2020. № 6. С. 181–196.
2. Мохова Е.В. Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях / Е.В. Мохова, Н.П. Яцук, А.Э. Лиджанова // *Закон*. 2020. № 9. С. 97–114.

References

1. Ringe, Wolf-Georg. Forum Shopping Under the EU Insolvency Regulation / Wolf-Georg Ringe // *Oxford Legal Studies Research Paper* № 33/2008. URL: <https://ssrn.com/abstract=1209822> (дата обращения: 22.12.2021).
2. Tirado Ignacio. An Evolution of COMI in the European Insolvency Regulation: From «Insolvenzimperialismus» to the Recast / Tirado Ignacio // *Annual Review of Insolvency Law*. 2015. P. 691–722.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-9-14

Судебно-контрольная деятельность и доказывание в досудебном производстве

Шекшуева Ольга Николаевна,
федеральный судья в отставке, доцент кафедры конституционного,
административного и уголовного права Среднерусского института управления
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
кандидат юридических наук
olga_shekshueva@mail.ru

В статье анализируется содержание судебно-контрольной деятельности в досудебном производстве. По мнению автора, доказывание по уголовному делу и судебный контроль — разные уголовно-процессуальные понятия, имеющие при этом схожесть в приемах и методах познавательной деятельности.

Ключевые слова: правосудие, судебный контроль, доказывание, оценка доказательств.

Judicial and Controlling Activities and Proving in Pre-Trial Proceedings

Olga N. Shekshueva
Federal Judge Emeritus
Associate Professor of the Department of Constitutional,
Administrative and Criminal Law of the Central Russian Institute of Management
of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
PhD (Law)

The article analyzes the content of judicial and controlling activities in pre-trial proceedings. According to the author, proving in a criminal case and judicial control are different criminal procedural notions, which have similar ways and methods of cognitive activity.

Keywords: justice, judicial control, proving, assessment of evidence.

Судебная власть, основываясь на принципах самостоятельности, справедливости, независимости и беспристрастности, имеет своей целью разрешение правовых конфликтов в обществе и государстве посредством осуществления правосудия в уголовном, гражданском, административном, арбитражном и конституционном судопроизводстве, учитывая при этом особенности процессуальной формы. В уголовном судопроизводстве правосудие — это не только разрешение дела по существу с принятием конкретного итогового решения, но и судебный контроль в досудебных стадиях уголовного процесса с целью защиты прав и законных интересов лиц и обеспечения соблюдения порядка уголовного судопроизводства.

В досудебном производстве судебный контроль в зависимости от его пред-

мета представлен следующими видами деятельности:

1) рассмотрение ходатайств об избрании или продлении мер процессуального принуждения (ст. 105.1–109, 114–116, 450, 466 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹);

2) принятие решения о производстве следственных действий, проведение которых затрагивает конституционные права граждан, иных процессуальных действий и решений (ст. 165, 214.1 УПК);

3) заключение коллегии, состоящей из трех судей Верховного Суда Российской Федерации (далее — РФ), о наличии в действиях Председателя Следственного комитета РФ или Генерального прокурора РФ признаков преступления (ст. 448 УПК);

¹ Далее — УПК.

4) проверка на соответствие закону деятельности органов и должностных лиц по жалобам (ст. 125, 463 УПК).

При этом полномочия суда, заключающиеся в оценке законности и обоснованности еще не произведенного органом расследования следственного или процессуального действия, можно назвать санкционированием (утверждением, разрешением), а деятельность суда, направленная на выяснение соответствия уже произведенных процессуальных действий закону, является судебной проверкой.

Любой контроль всегда связан с оперативным вмешательством в деятельность подконтрольного лица, проверку этой деятельности. Результатом контроля может стать отмена незаконного решения или признание не соответствующим закону действия (бездействия) подконтрольного лица, влекущего за собой обязанность устранения допущенного нарушения. Контролирующий орган не «выполняет работу» подконтрольного лица, а проверяет соответствие выполненного тем требованиям, которые предъявляются к такому исполнению.

Применительно к судебному контролю суд не вправе принимать какие-либо решения или совершать процессуальные действия для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Объем его полномочий не выходит за рамки проверки и оценки законности и обоснованности деятельности органа расследования, ограничивающей конституционные права и свободы граждан. Судебный контроль предполагает оценку компетенции должностных лиц, осуществляющих функцию обвинения, соблюдения ими процедуры принятия решений и совершения процессуальных действий. Судебно-контрольная деятельность распространяется и на проверку наличия (отсутствия) достаточных оснований для принятия решений или совершения действий соответствующим должностным лицом и подтверждение их доказательствами,

собранными не судом (курсив авт.), а органом расследования.

В связи с этим трудно согласиться с существующим в науке мнением о том, что в ходе судебно-контрольной деятельности суд осуществляет доказывание, под которым понимается «процесс собирания, исследования, проверки и оценки доказательств судом» для принятия промежуточных судебных решений и «не касающихся предмета судебного разбирательства уголовного дела по существу»².

Не претендуя на абсолютность высказанного мнения, все же позволим себе утверждать, что судебно-контрольная деятельность в досудебном производстве и доказывание в том смысле, какой придает этому уголовно-процессуальному институту законодатель, — имеют разное содержание, предмет и цели.

Во-первых, из законодательно закрепленного определения доказательства (ст. 74 УПК) следует, что их формирование происходит после возбуждения уголовного дела в ходе его расследования и судебного рассмотрения посредством производства предусмотренных законом действий в целях установления указанных в ст. 73 УПК обстоятельств и «иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Осуществляя судебный контроль в досудебных стадиях, суд не относится ни к органам расследования, ни к органам и должностным лицам, наделенным правом проверки сообщения о преступлении. Он лишь оценивает возможность проведения по этому делу (или по материалу «доследственной» проверки) того или иного процессуального (например, заключение под стражу) или следственного (например, осмотр до возбуждения уголовного дела жилища при отсутствии согласия проживающих в нем лиц) действия с точки зрения требований закона.

² Устинов А.А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства : дисс. ... канд. юрид. наук. М. : РГУП, 2022. С. 44.

Во-вторых, контрольная деятельность суда, результаты которой находят свое отражение в материалах, оформляемых отделом делопроизводства суда с присвоением соответствующего номера и регистрацией в регистрационном журнале, не является составной частью уголовного дела, в котором содержится лишь итоговое судебное решение по рассмотрению ходатайства или жалобы. Деятельность суда в этом случае совершенно самостоятельна.

Доказывание в уголовном процессе — это собирание, проверка и оценка доказательств в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу (ст. 85 и 73 УПК). Уголовное дело представляет собой объективированную в указанных в уголовно-процессуальном законе документах совокупность действий лица, производящего предварительное расследование или судебное рассмотрение имевшего место в прошлом события (преступления). Раскрывая сущность процесса доказывания в ст. 85 УПК, законодатель отсылает правоприменителя к ст. 73 УПК, подчеркивая, что доказывание осуществляется именно по уголовному делу. Если исключить из определения понятия доказательства и процесса доказывания термин «уголовное дело», то это приведет к искажению сущности как доказательства, так и процесса доказывания в уголовном судопроизводстве, а равно — к отождествлению сущности судебного контроля в досудебных стадиях и собственно процесса доказывания.

В то же время как в ходе доказывания, так и при осуществлении судебного контроля используемые приемы и методы, направленные на принятие законного решения, имеют определенные сходства, поскольку и та и другая деятельность есть мыслительная деятельность, подчиняющаяся общим закономерностям познания и мышления. При этом познание обстоятельств имевшего место события (преступления) регламентировано уголовно-процессуальным законом,

в котором перечислены обстоятельства, установление и обоснование которых приводит субъекта расследования к достоверному знанию о том, что имело место в действительности, но в том объеме, который необходим для принятия по итогам расследования и судебного рассмотрения законного решения, основанного на собранных органом или должностным лицом, в производстве которого находилось это уголовное дело, фактических данных, которые им же проверены и оценены.

Судебно-контрольная деятельность в досудебном производстве, как было отмечено выше, не является составляющей доказывания по уголовному делу и его элементов. Подчиняясь общим законам познания, но при этом будучи ограниченным уголовно-процессуальными нормами, судебный контроль направлен прежде всего на оценку тех обстоятельств, которые изложены в материалах, представленных суду следователем, прокурором или лицом, обратившимся с жалобой, и сопоставление полученного знания с требованиями закона. Чем меньше в информационном плане в распоряжении суда будет сведений, тем труднее принять правильное решение. Поэтому суд вправе предложить сторонам представить дополнительные данные, подтверждающие те или иные доводы, чем создать «необходимые условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления предоставленных им прав» (ст. 15 УПК). Такое право суда, по нашему мнению, ни в коем случае не является собиранием доказательств по уголовному делу, так как имеет целью подтвердить (или не подтвердить) законность и обоснованность конкретного следственного действия или процессуального решения.

Поскольку субъект расследования помимо доказательственной, располагает и иной познавательной информацией, полученной, например, до возбуждения уголовного дела путем истребования документов или предметов в порядке

ст. 144 УПК, следовательно, познание по уголовному делу не есть только доказывание. Однако правоприменитель обязан принимать итоговое решение по делу лишь на основе фактических данных, полученных в процессе доказывания.

Так, обвинительное заключение должно быть составлено на основе собранных по делу доказательств, достаточных для его составления (ч. 1 ст. 215 УПК). В обвинительном акте необходимо изложить перечень подтверждающих обвинение доказательств (ч. 1 ст. 226 УПК). В описательно-мотивировочной части обвинительного приговора требуется указать доказательства, на которых основаны выводы суда, и мотивы, по которым суд отверг другие доказательства (ст. 307 УПК), а в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора — доказательства, подтверждающие основания оправдания подсудимого (ст. 305 УПК).

Поэтому любая иная познавательная информация, коей орган расследования или суд будет обосновывать выводы по делу, должна быть «введена» в уголовный процесс в соответствии с уголовно-процессуальным законом для придания ей статуса доказательства, которые в совокупности с иными доказательствами оцениваются лицом, производящим расследование или судебное рассмотрение, для принятия соответствующего решения.

Познавательная деятельность суда в ходе судебного контроля заключается в проверке и оценке представленных следователем доказательств. Однако проверка и оценка доказательств в ходе судебно-контрольной деятельности и проверка и оценка доказательств по уголовному делу хоть и подчинены общим требованиям, но различны по цели познания. Осуществляя контроль посредством проверки и оценки представленных доказательств, суд приходит к определенному выводу об обоснованности или необоснованности принятого органом расследования решения или проведенного процессуального

действия. Особенность этих действий в сравнении с проверкой и оценкой доказательств при рассмотрении судом уголовного дела по существу заключается в том, что в судебно-контрольном производстве не могут устанавливаться новые факты, не известные органу расследования. Суд лишь может признать, что орган расследования правильно или неправильно их обосновал.

Таким образом, если предмет доказывания по уголовному делу представляет собой систему обстоятельств, выражающих свойства и связи исследуемого события, существенные для правильного разрешения уголовного дела и реализации в каждом конкретном случае задач судопроизводства³, то предметом уголовно-процессуального познания в судебно-контрольном производстве является факт объективной действительности, изложенный в процессуальном решении, ходатайстве, жалобе, и законность и обоснованность заявленного требования.

Например, разрешая ходатайство об избрании обвиняемому меры пресечения в виде заключения под стражу, суд оценивает обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, проверяя в представленных следователем копиях материалов уголовного дела наличие конкретных сведений об этом⁴, а также о полномочиях обратившегося с ходатайством должностного лица, о процессуальном статусе участника процесса, к которому применяется мера пресечения, о соблюдении процессуального порядка задержания и предъявления обвинения, участии защитника и доводы об избрании именно этой, а не иной меры пресечения. При этом суд

³ Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. ред. Н. В. Жогин. М.: Юридическая литература, 1973. С. 139.

⁴ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 «О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=355135&dst=1000000001&date=12.05.2022>.

никаких дополнительных материалов по своей инициативе не собирает, а лишь оценивает представленные сторонами сведения. Само направленное следователем в суд ходатайство с приложенными к нему копиями материалов из уголовного дела не являются частью уголовного дела, представляя собой материалы отдельного судебного производства.

Судебный контроль за продлением срока содержания под стражей состоит как в проверке доказанности существования оснований избрания названной меры пресечения, так и в оценке достаточности представленных в обоснование ходатайства материалов о необходимости дальнейшего содержания обвиняемого под стражей и в проверке обоснованности доводов субъекта расследования о невозможности своевременного его окончания, выяснении причин невыполнения запланированных следственных действий⁵.

Судебно-контрольная деятельность по санкционированию затрагивающих конституционные права граждан следственных действий, иных процессуальных действий и решений заключается в познании судом обстоятельств, касающихся соблюдения процессуального порядка возбуждения перед судом такого ходатайства (подсудность, согласование, наименование следственного действия, наличие обосновывающих ходатайство материалов), и проверке наличия фактических данных, обосновывающих необходимость производства указанного в ходатайстве следственного действия⁶.

Так, разрешая обыск в жилом помещении, суд не проверил наличие по делу достаточных оснований для принятия та-

кого решения, поскольку в представленных следователем в обоснование ходатайства материалах отсутствуют данные о том, что искомый в жилище гражданина, являющегося врачом-терапевтом, приказ об утверждении размера премий за участие в проведении диспансеризации на 2018 г. издавался и может храниться до момента проведения обыска в 2020 г. не в медицинском учреждении, а в квартире рядового врача-терапевта, не имеющего отношения к изданию приказов по этому учреждению. Все доводы следствия о необходимости проведения обыска объективно ничем не подтверждены, а одни лишь предположения органов следствия без подтверждения какими-либо данными, отвечающими предъявляемым к доказательствам требованиям, не могут быть признаны достаточными основаниями для разрешения следователю нарушить неприкосновенность жилища⁷.

Если судебный контроль касается уже проведенного в порядке ч. 5 ст. 165 УПК следственного действия, для производства которого необходимо получение судебного решения, то помимо проверки процессуального порядка обращения с таким ходатайством и наличия оснований для производства указанного в ходатайстве следственного действия, подлежат оценке процессуальный порядок производства такого следственного действия и обстоятельства, свидетельствующие о безотлагательности его производства.

Содержание судебно-контрольной деятельности по определению признаков преступления в действиях Председателя Следственного комитета РФ или Генерального прокурора РФ заключается в оценке совокупности представленных суду фактических данных, не являющихся доказательствами по делу ввиду

⁵ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19 декабря 2013 г. № 41 // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 1 июня 2017 г. № 19 «О практике рассмотрения судами ходатайств о производстве следственных действий, связанных с ограничением конституционных прав граждан (статья 165 УПК РФ)». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&demo=2&base=LAW&n=217688&dst=100000001&date=12.05.2022>.

⁷ Справка Костромского областного суда от 29 июля 2020 г. «О результатах обобщения апелляционной практики рассмотрения судами Костромской области уголовных дел за первое полугодие 2020 года». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=RLAW265&n=100621&dst=1000000001&date=12.05.2022>.

отсутствия самого уголовного дела и позволяющих сделать предположительный вывод о наличии в представленной информации как повода, так и основания для возбуждения уголовного дела и его расследования.

Судебный контроль за законностью деятельности органов и должностных лиц, инициируемый жалобами участников процесса, чьи конституционные права и свободы ущемлены обжалуемым действием или решением, или гражданам затруднен доступ к правосудию, заключается в проверке на соответствие закону решений и действий (бездействия) указанных в ч. 1 ст. 125 УПК должностных лиц на основе имеющихся и дополнительно представленных данных. Суд проверяет и оценивает только те материалы, которыми обосновано обжалуемое решение или действие должностного лица, а также иные необходимые для проверки доводов жалобы данные. Копии таких материалов хранятся в производстве по жалобе. В предмет судебного контроля входит проверка полномочий лица, чьи действия или решения обжалуются, соблюдение этим лицом норм, регулирующих порядок принятия обжалуемого решения, оценка действий лица, на которое подана жалоба, по проверке и учету всех обстоятельств, указанных в жалобе заявителя, в целях определения возможности влияния таких обстоятельств на обоснованность обжалуемого решения⁸.

Например, решение суда об удовлетворении жалобы на постановление следователя об отказе в возбуждении

уголовного дела было отменено по тем основаниям, что суд в своем решении лишь процитировал изложенные в оспариваемом постановлении выводы следователя, однако не проверил наличие для таких выводов законных оснований⁹.

Таким образом, суд в досудебном производстве не вправе собирать доказательства в подтверждение или опровержение законности и обоснованности представленных суду обращений, поскольку его полномочия заключаются в проверке и оценке необходимости или отсутствии таковой ограничения прав и законных интересов вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства граждан. «Судебно-контрольное» решение не относится к доказательствам по уголовному делу ни по способу его получения, ни по относимости к предмету доказывания. Его значение заключается в обеспечении соблюдения процедуры совершаемых по уголовному делу действий и принимаемых решений, установленной уголовно-процессуальным законодательством.

С учетом изложенного судебный контроль — это урегулированная нормами уголовно-процессуального права деятельность суда по проверке и оценке действий (бездействия) и решений наделенных функцией уголовного преследования органов и должностных лиц в целях установления соответствия проверяемых действий и решений требованиям уголовно-процессуального закона и достаточности для их производства и принятия фактических данных, позволяющих считать проверяемые действия и решения необходимыми и возможными.

⁸ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10 февраля 2009 г. № 1 «О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=207938&dst=100000001&date=13.05.2022>.

⁹ Апелляционное постановление Московского городского суда от 5 декабря 2019 г. по делу № 10-19603/2019. URL: <https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=SOCN&n=1270060&dst=1000000001&date=13.05.2022>.

Литература

1. Теория доказательств в советском уголовном процессе / ответственный редактор Н.В. Жогин. Москва : Юридическая литература, 1973. 736 с.
2. Устинов А.А. Доказывание при рассмотрении судом материалов уголовного дела в ходе досудебного производства : диссертация кандидата юридических наук / А.А. Устинов. Москва, 2022. 235 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-15-18

Апелляционные решения по уголовным делам в аспекте изложения краткого содержания решения суда первой инстанции

Арсентьева Светлана Степановна,
доцент кафедры уголовного процесса и экспертной деятельности
Челябинского государственного университета,
кандидат юридических наук
arss-1212@mail.ru

Савченко Анатолий Николаевич,
федеральный судья в отставке
a763tx@mail.ru

В статье авторами с критических позиций рассмотрена практика отражения в судебных решениях апелляционных судов краткого содержания решения суда первой инстанции. Настолько краткого, что можно говорить о небрежном упрощении предписаний требований закона.

Исправить ситуацию, по мнению авторов, можно путем внесения коррективов в п. 5 ч. 3 ст. 389. 28 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ).

Ключевые слова: апелляционные решения, судебная практика, законность, жизнь права, гарантии, правосудие.

Appeal Judgements in Criminal Cases in Terms of Brief Narration of the First Instance Court Ruling

Svetlana S. Arsyentyeva
Associate Professor of the Department of Criminal Procedure and Expert Activities
of the Chelyabinsk State University
PhD (Law)

Anatoly N. Savchenko
Federal Judge Emeritus

In the article, the authors critically consider the practice of reflecting the summary content of the decision of the court of first instance in court decisions of the courts of appeal. So brief that we can talk about a careless simplification of the prescriptions of the requirements of the law. According to the authors, it is possible to correct the situation by making adjustments to paragraph 5, part 3 of Article 389. 28 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: appeal decisions, judicial practice, legality, life of law, guarantees, justice.

В современной апелляционной практике по уголовным делам получило распространение некое упрощенное отношение к выполнению требований уголовно-процессуального закона о содержании апелляционных решений.

Должны заметить, что наличие такого рода упрощений в апелляционных решениях, по нашему мнению, нельзя отнести к судебным ошибкам¹, к верификации и

исследованию² которых в уголовно-процессуальной науке периодически обращаются ученые-процессуалисты, вплоть до монографических исследований.

Это не такое уж редкое явление в судебной практике имеет другую перво-причину, характерной чертой которой является нарушенная прагматика, когда текст закона не воспринимается судьями

¹ См.: Кузнецов В.В. Уголовно-правовая ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта. Глава III. Проблемы реализации уголовно-правовой ответственности за вынесение заведомо неправосудного судебного

акта, § 1. Судебная ошибка и ее отличие от заведомо неправосудного судебного акта. 2-е стер. изд. М.: Юрид. лит., 2008. С. 96–120.

² Курченко В.Н. Судебная ошибка: ответственность, но не право // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 4–15.

не в силу сложности для понимания, а в силу каких-то иных обстоятельств, имеющих общую основу — пренебрежение к закону, которое иногда глубоко ошибочно и не к месту определяют как «нигилизм»³.

Представляется, что такой «нигилизм» никак не уместен в правоприменении. В юридической литературе данное явление оценивается как «нигилистическое отношение к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона»⁴.

Мы ограничимся исследованием практики применения положений закона о необходимости указания в апелляционных решениях краткого изложения содержания решения суда первой инстанции (п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК РФ), которое, по нашему мнению, должно предшествовать описательно-мотивировочной части данного процессуального решения.

В правовой литературе, пожалуй, есть понимание, что «решения контролирующих судебных инстанций» являются «важной гарантией достижения целей правосудия»⁵.

С.С. Алексеев, один из наиболее узнаваемых в советской и российской правовой науке лиц, принимавший участие в работе по созданию Конституции России, лекции которого, возможно, кто-то из действующих сотрудников правоохранительных органов и судей слушал в Свердловском юридическом институте им. Р.А. Руденко, в учебном пособии, посвященном государству и праву, судебные решения назвал «живым правом»⁶.

³ Касаева Т.Г. Правовой нигилизм в современной России // Российский судья. 2019. № 6. С. 52–55.

⁴ В частности, А.Д. Назаров в работе, посвященной устранению следственных и судебных ошибок, среди субъективных причин, порождающих их, указал на «пренебрежительно-нигилистическое отношение части следователей и судей к выполнению предписаний уголовно-процессуального закона (стремление к процессуальному упрощенчеству). См.: Назаров А.Д. Устранение следственных и судебных ошибок: монография. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. С. 124.

⁵ Астафьев А.Ю. Решения контролирующих судебных инстанций в механизме обеспечения эффективности правосудия // Российский судья. 2007. № 8. С. 21.

⁶ Алексеев С.С. Государство и право: учеб. пособие. М.: ТК Велби, Изд-во «Проспект», 2007. С. 124.

Он утверждал, что в ходе осуществления правосудия по каждому делу устанавливается объективная истина, торжество справедливости и права, которое достигается наличием «...особых гарантий, призванных обеспечивать обоснованность и законность принимаемых решений, недопущение и устранение ошибок (система обжалования, пересмотр дела по вновь открывшимся обстоятельствам, в порядке надзора и др.)»⁷.

По замыслу законодателя именно апелляционная инстанция является фильтром по применению УПК РФ с позиции справедливости, разумности, законности, обоснованности приговоров и иных решений, вынесенных мировыми судьями, районными (городскими) судами общей юрисдикции. Качество их судебных решений должно быть на порядок выше и отвечать высокому предназначению судебной деятельности апелляционных инстанций.

Требования к содержанию судебных решений в уголовном судопроизводстве, такие как: соблюдение прав участников уголовного судопроизводства, справедливости, законности и здравого смысла — **неоднократно**, а точнее, **бесконечное множество раз** сформулированы Конституционным Судом РФ.

Принципиальную правовую позицию Конституционного Суда по этому вопросу, повторенную в очередной раз, представим в одном из его последних решений.

Так, в Определении *по жалобе Кравцова В.И.*, который выразил в ней мнение о неконституционности как ч. 3 ст. 389.28 «Апелляционные приговор, определение и постановление», так и ч. 3 ст. 401.14 «Решение суда кассационной инстанции» УПК РФ, учитывая, по его мнению, то, что данные законоположения «*позволяют судам соответствующих инстанций по результатам рассмотрения апелляционных и кассационных жалоб выносить решения без учета всех изложенных стороной защиты доводов и без приведения мотивов, по которым эти доводы проигнорированы либо отвергнуты, давая неадекватные ответы*». Таким образом, Конституционный Суд в очередной раз изложил свое толкование содержания этих норм.

⁷ Там же. С. 124–125.

«Данные нормы, по правильному мнению Конституционного Суда, действуют во взаимосвязи с частью четвертой статьи 7 УПК Российской Федерации, закрепляющей в качестве принципа уголовного судопроизводства общее требование законности, обоснованности и мотивированности процессуальных решений. Как неоднократно⁸ указывал Конституционный Суд Российской Федерации, не допускается отказ суда от рассмотрения и оценки всех доводов заявлений, ходатайств или жалоб участников уголовного судопроизводства, а также от мотивировки решений путем указания на конкретные, достаточные с точки зрения принципа разумности основания, по которым эти доводы отвергаются»⁹.

Обратимся к живой практике применения закона, обязывающего судей в апелляционном решении привести «краткое изложение содержания суда первой инстанции» (п. 5 ч. 3 ст. 389.28 УПК).

На сайте Свердловского областного суда представлено как «мотивированное» апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда по делу Е., признанной виновной в совершении преступления, предусмотренного п. «а» ч. 3 ст. 158 УК РФ. В апелляционной жалобе, в частности, указывалось на незаконность инкриминирования Е. таких квалифицирующих признаков кражи как «совершение преступления группой лиц по предварительному сговору» и «незаконное проникновение в жилище».

В описательно-мотивировочной части апелляционного решения следующим образом представлено краткое изложение решения суда первой инстанции: «приговором суда Е. признана виновной в краже, то есть тайном хищении чужого имущества, совершенном группой лиц по

предварительному сговору, с причинением значительного ущерба гражданину, с незаконным проникновением в жилище.

Преступление совершено 10.03.2021 в г. Екатеринбурге при обстоятельствах, изложенных в приговоре»¹⁰.

В апелляционном постановлении Брянского областного суда в отношении Т., осужденного по п. «в» ч. 2 ст. 158 УК РФ, приговор которого обжаловался адвокатом «ввиду несоответствия выводов суда фактическим обстоятельствам уголовного дела», предписания анализируемой нормы закона выполнены в следующей формулировке: «Приговором суда Т. признан виновным в краже имущества Ш.Г.А. на общую сумму 42 600 рублей, совершенной ДД. ММ.ГГГГ в период с 7 часов до 7 часов 30 минут из больницы палаты № ГАУЗ «Брянская городская больница №», расположенной по адресу: <адрес>, при обстоятельствах, изложенных в приговоре»¹¹.

Судебной коллегией по уголовным делам Кемеровского областного суда при рассмотрении жалобы осужденного С. (ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 4 ст. 228.1 УК РФ) о незаконности, необоснованности и несправедливости приговора «краткое изложение содержания решения суда первой инстанции» изложено в следующей формулировке:

«С. признан виновным в покушении на незаконный сбыт наркотических средств, группой лиц по предварительному сговору, в крупном размере.

Преступление совершено в период с ДД. ММ.ГГГГ по ДД.ММ.ГГГГ в <адрес> при обстоятельствах, изложенных в приговоре»¹².

¹⁰ Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Свердловского областного суда от 14 октября 2021 г. Дело № 22-7336/2021. URL: https://oblsud--svd.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=851670&delo_id=4&new=4&text_number=1

¹¹ Апелляционное постановление № 22-1516/2021 от 10 сентября 2021 г. URL: https://oblsud--brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=3789154&delo_id=4&new=4&text_number=1

¹² Апелляционное определение судебной коллегии по уголовным делам Кемеровского областного суда от 19 октября 2021 г. Дело № 22-3993/2021. URL: https://oblsud--kmr.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=57340344&delo_id=4&new=4&text_number=1

⁸ По нашему мнению, что мы и указали, «неоднократность» не отражает реальность обращений Конституционного Суда к толкованию содержания этих норм, более верно — «множество».

⁹ Определение Конституционного Суда Российской Федерации № 1393-О от 20 июля 2021 г. «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кравцова Владимира Ивановича на нарушение его конституционных прав частью третьей статьи 389.28 и частью третьей статьи 401.14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации». URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision555096.pdf>

В апелляционном постановлении Севского районного суда Брянской области при рассмотрении апелляционной жалобы К., осужденного по ст. 119 УК РФ, в таком виде исполнено анализируемое требование закона к апелляционному решению: «*Приговором мирового судьи К. признан виновным и осужден за угрозу убийством, поскольку имелись основания опасаться осуществления этой угрозы*»¹³.

«Гоголь, заметил В.Г. Белинский, так глубоко и живо концепировал идею характера Хлестакова, что легко мог бы сделать его героем еще целого десятка комедий, в которых Иван Александрович являлся бы верным самому себе, хотя и совершенно в новых положениях, как жених, муж, отец семейства, помещик, старик и т.д. Эти комедии, — отметил критик, — нет сомнения, были бы так превосходны, как и «Ревизор», но уже такого, как он, успеха иметь не могли бы и скорее бы наскучали, нежели нравились, потому что все уха да уха, хотя бы и *Демьянова*, приедается»¹⁴.

¹³ Апелляционное постановление Севского районного суда Брянской области от 31 марта 2021 г. Дело № 10-5/2021. URL: https://sevsky-brj.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=doc&number=107833485&delo_id=1540006&new=0&text_number=1

¹⁴ Белинский В.Г. Собрание сочинений в трех томах. Том III. Статьи и рецензии 1843–1848 / ред. В.И. Кулешова. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1948. С. 674.

Литература

1. Алексеев С.С. Государство и право : учебное пособие / С.С. Алексеев. Москва : ТК Велби, Изд-во «Прспект», 2007. 152 с.
2. Астафьев А.Ю. Решения контролирующих судебных инстанций в механизме обеспечения эффективности правосудия / А.Ю. Астафьев // Российский судья. 2017. № 8. С. 21–25.
3. Белинский В.Г. Собрание сочинений. В 3 томах. Т. 3. Статьи и рецензии 1843–1848 / В.Г. Белинский; под общей редакцией Ф.М. Головенченко. Москва : ОГИЗ Государственное издательство художественной литературы, 1948. 928 с.
4. Касаева Т.Г. Правовой нигилизм в современной России / Т.Г. Касаева // Российский судья. 2019. № 6. С. 52–55.
5. Кузнецов В.В. Уголовно-правовая ответственность за вынесение заведомо неправосудного судебного акта / В.В. Кузнецов. 2-е изд. стер. Москва : Юридическая литература, 2008. 246 с.
6. Курченко В.Н. Судебная ошибка: ответственность, но не право / В.Н. Курченко // Российское право: образование, практика, наука. 2019. № 3 (111). С. 4–17.
7. Назаров А.Д. Устранение следственных и судебных ошибок : монография / А.Д. Назаров. Красноярск : Сибирский федеральный университет, 2017. 561 с.

Но речевой штамп «*при обстоятельствах, изложенных в приговоре*» (*все уха да уха, хотя бы и Демьянова*) в судебной практике имеет тенденцию больше «нравиться» чем «наскучать», учитывая, что данное явление демонстрирует свою «неувядаемость» в судебных решениях, вопреки конкретному требованию закона, внося в «жизнь права» штамп опасного вируса, способного оказывать свое разрушительное действие на принцип законности и справедливости правосудия.

При таком изложении обстоятельств, установленных судом первой инстанции в апелляционных решениях, законность которых оспаривается, отсутствует какое-либо общение судей вышестоящего суда с участниками уголовного судопроизводства. Канал информационного общения закрывается информационной фразой о том, что было установлено — «при обстоятельствах, изложенных в приговоре», что является собственно (обстоятельства, установленные судом первой инстанции) предметом обжалования.

«Лекарством» от распространения данного явления в жизни права, по нашему убеждению, послужит изложение содержания п. 5 ч. 3 ст. 389. 28 УПК РФ в следующей редакции: «краткая формулировка установленных судом первой инстанции обстоятельств по предъявленному обвинению».

Полагаем, что это будет способствовать укреплению «здоровья» «живого права».

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-19-21

Кража (п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ): особенность квалификации по субъективной стороне

Гарбатович Денис Александрович,
заместитель директора по научной работе
Российского государственного университета правосудия,
кандидат юридических наук, доцент
garbatovich@mail.ru

В статье раскрываются правила квалификации по субъективной стороне краж, совершенных с банковского счета, а равно в отношении электронных денежных платежей. При квалификации данных преступлений предлагается учитывать вид умысла в зависимости от степени предвидения общественно опасных последствий (определенный, неопределенный).

Ключевые слова: кража с банковского счета, кража электронных денежных платежей, субъективная сторона преступления.

Theft (Clause d of Part 3 of Article 158 of the Criminal Code of the Russian Federation): Specific Features of Qualification Based on the Subjective Aspect

Denis A. Garbatovich
Deputy Director for Research of the Russian State University of Justice
PhD (Law), Associate Professor

The article reveals the rules of qualification on the subjective side of thefts committed from a bank account, as well as in relation to electronic money payments. When qualifying these crimes, it is proposed to take into account the type of intent, depending on the degree of foresight of socially dangerous consequences (definite, indefinite).

Keywords: theft from a bank account, theft of electronic money payments, the subjective side of the crime.

При квалификации краж, предусмотренных пунктом «г» части третьей ст. 158 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), необходимо учитывать виды умысла, которые в доктрине уголовного права в зависимости от степени предвидения наступления общественно опасных последствий делятся на: 1) неопределенный (неконкретизированный) и 2) определенный (конкретизированный).

При неопределенном умысле лицо не знает, какая конкретно сумма денежных средств находится на банковском счете. Его воля направлена просто на похищение некой суммы денег по принципу «чем больше, тем лучше».

Традиционно в науке уголовного права деяние с неопределенным умыслом предлагается квалифицировать по фактически наступившим общественно

опасным последствиям. Но данное правило не подходит при квалификации краж с использованием банковских карт.

Если лицо путем противоправного разового или систематического использования банковской карты (например, оплачивает через кассу товары, услуги, работы) похищает денежные средства на сумму, не превышающую крупный размер, его деяние, при отсутствии иных квалифицирующих признаков, предусмотренных частями 3 или 4, следует квалифицировать только по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ¹.

Если лицо указанным выше способом похищает денежные средства на сумму, превышающую крупный размер, но не

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 11 марта 2020 г. № 10-УДП20-1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 5. С. 27.

свыше особо крупного, то деяние следует квалифицировать по п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Когда путем систематического противоправного использования банковской карты похищаются денежные средства на сумму, превышающую один миллион рублей, то только в этом случае деяние следует квалифицировать по фактически наступившим общественно опасным последствиям, а именно по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. В данном случае применяется правило, согласно которому, если в совершенном деянии содержатся квалифицирующие признаки, предусмотренные разными частями одной статьи, содеянное подлежит оценке по наиболее квалифицируемому составу преступления.

Когда хищение денежных средств осуществляется путем систематического противоправного использования чужой банковской карты, деяние считается продолжаемым преступлением. В данном случае у лица имеется единый умысел, который направлен на хищение чужого имущества из одного источника, так как вред причиняется именно одному владельцу. Все отдельные акты противоправного использования банковской карточки тождественны между собой, объединены единым умыслом. Размер ущерба, причиненного продолжаемым преступлением, определяется суммой всех совершенных актов хищения.

В доктрине уголовного права считается, что юридическим моментом окончания продолжаемого преступления является время совершения последнего тождественного (однородного) эпизода (акта). При этом в судебной практике встречается позиция, согласно которой квалификация любого продолжаемого преступления в качестве оконченного либо неоконченного зависит именно от завершенности или незавершенности последнего эпизода, объединенного единым умыслом виновного лица. Данное правило квалификации не является универсальным, поэтому не может применяться при оценке всех продолжаемых преступлений. Неприменимо указанное

правило и к хищению денежных средств, совершаемому посредством систематического противоправного использования одной банковской карты.

Например, *К. осужден по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. К. признан виновным в краже денежных средств с банковского счета с причинением значительного ущерба потерпевшему. Во дворе жилого дома К. нашел принадлежавшую И. банковскую карту с функцией бесконтактной оплаты и оплатил с ее помощью товары в магазинах и кафе, тайно похитив денежные средства потерпевшего в размере 3026 руб. Действия по хищению денежных средств не были доведены до конца по не зависящим от К. обстоятельствам, так как карта была заблокирована потерпевшим. Приговор был изменен, из него исключено указание на признак покушения на кражу «с причинением значительного ущерба гражданину»².*

Как видим, исходя из обстоятельств дела, некоторые эпизоды противоправного хищения денежных средств К. были доведены до конца, он смог оплатить товары на сумму 3026 руб. К. смог реально распорядиться денежными средствами с банковского счета. Именно с этого момента продолжаемое деяние К. уже является юридически оконченным преступлением и подлежит квалификации по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ, независимо от того, что последующий акт по противоправному использованию чужой банковской карты был unsuccessful по причине ее блокирования потерпевшим. В представленном решении нет данных о том, что К. знал, какая конкретно сумма находится на банковском счете, его умысел был неопределенным.

Квалификация по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ является обоснованной в том случае, например, когда виновное лицо уже с первой попытки противоправного использования чужой банковской карты не смогло похитить денежные средства с банковского счета

² Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 29 сентября 2020 г. № 12-УДП20-5-К6 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2021. № 8. С. 44–45.

(например, по причине ее блокирования собственником)³.

При конкретизированном умысле лицо осознает, какая конкретно сумма находится на банковской карточке, и желает ее похитить. Квалификация преступления с конкретизированным (определенным) умыслом в качестве оконченого либо неоконченного, как правило, зависит от степени достижения желаемого результата. Но данное правило также не является универсальным при квалификации краж, совершенных с использованием банковских карт.

Рассмотрим примеры квалификации указанных краж, когда лицо точно знает сумму, находящуюся на банковском счете, и с помощью банковской карты, зная ее пин-код, желает похитить все денежные средства (например, путем снятия денежных средств через банкомат).

Если на банковском счете находится сумма, не составляющая крупный размер (до двухсот пятидесяти тысяч рублей), то при хищении указанных денег деяние следует квалифицировать только по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Когда похитить денежные средства не удалось (например, владелец заблокировал банковскую карту), деяние следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Если лицом была похищена сумма, меньше той, которую он желал похитить (например, ему один раз удалось расплатиться в магазине за товар на сумму до 1000 рублей), содеянное следует квалифицировать по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ независимо от того, что вся желаемая сумма на банковском счете им не была похищена.

Если на банковском счете находится сумма, составляющая крупный размер (но не превышающая особо крупный), то при хищении указанных денег деяние следует квалифицировать по п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Когда похитить денежные средства не удалось по обстоятельствам, не зависящим от воли лица, деяние следует

квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ.

Но, если виновное лицо смогло посредством противоправного использования банковской карты похитить денежную сумму менее двухсот пятидесяти тысяч рублей, его деяние следует также квалифицировать как оконченое преступление по п. «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ независимо от того, что желаемая сумма, составляющая крупный размер, фактически похищена им не была.

Если на банковском счете находится сумма, составляющая особо крупный размер (свыше одного миллиона рублей), то хищение указанных денег следует квалифицировать только по п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ. Если похитить денежные средства не удалось по обстоятельствам, не зависящим от воли лица, деяние следует квалифицировать по ч. 3 ст. 30, п. «б» ч. 4 ст. 158 УК РФ.

При квалификации краж, совершенных с банковского счета, при наличии конкретизированного умысла важно также учитывать, что недостижение преступником планируемого результата еще не означает, что деяние юридически является только неоконченным.

Например, преступник знает, что на банковском счете находятся денежные средства в размере семисот тысяч рублей (крупный размер), но с помощью банковской карты через банкомат он смог взять только сумму триста тысяч рублей, так как в данном банке имеется лимит на максимальную сумму, которую можно получить за один день. Его фактический умысел до конца не реализован по обстоятельствам, не зависящим от воли этого лица. Тем не менее фактически похищенные денежные средства также составляют крупный размер, и в этой ситуации деяние следует квалифицировать как оконченое преступление, а именно, по п. «в», «г» ч. 3 ст. 158 УК РФ. Главное, что его конкретизированный умысел был направлен на хищение имущества в крупном размере, что ему и удалось сделать. Тот факт, что его стремление похитить семьсот тысяч рублей не было достигнуто, для квалификации юридического значения не имеет.

³ Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 26 сентября 2019 г. № 77-АПУ19-4 // СПС «КонсультантПлюс».

Освобождение от уголовной ответственности лиц, прошедших криминальное обучение: нормативные и прикладные проблемы реализации

Власенко Владислав Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала Краснодарского университета
Министерства внутренних дел Российской Федерации,
кандидат юридических наук
VladVV26@mail.ru

В статье исследуются условия освобождения от уголовной ответственности лиц, прошедших криминальное обучение, содержащиеся в примечаниях к статьям 205³ и 212 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), а также проблемы их понимания в теории и правоприменительной деятельности.

Ключевые слова: террористическая деятельность, массовые беспорядки, прохождение обучения в целях совершения преступления, освобождение от уголовной ответственности, сообщение о прохождении обучения, способствование раскрытию преступления, способствование выявлению лиц, причастных к преступному обучению, и мест его проведения.

Release from Criminal Responsibility of Persons after Criminal Studies: Regulatory and Applied Problems of Implementation

Vladislav V. Vlasenko

Senior Lecturer of the Department of Criminal Law and Criminology
of the Stavropol Branch of the Krasnodar University
of the Ministry of the Interior of the Russian Federation
PhD (Law)

The article examines the specifics of the exemption from criminal liability of persons who have undergone criminal training contained in the notes to Articles 205.3 and 212 of the Criminal Code of the Russian Federation, as well as the problems of their understanding in theory and law enforcement.

Keywords: terrorist activity, mass riots, training for the purpose of committing a crime, exemption from criminal liability, reporting on training, facilitating the disclosure of a crime, facilitating the identification of persons involved in criminal training and its venues.

В ноябре 2013 г. для усиления уголовно-правового противодействия террористической деятельности введена ответственность за прохождение обучения в целях ее осуществления (ст. 205³ УК РФ), а в мае 2014 г. «на фоне» государственного переворота на Украине криминализовано прохождение обучения в целях организации либо участия в массовых беспорядках (ч. 4 ст. 212 УК РФ). Одновременно с появлением указанных запретов уголовный закон дополнен примечаниями к ним, предусматривающими тождественные специальные основания освобождения от ответствен-

ности лиц, прошедших подобное обучение, основанные на стимулировании постпреступного поведения виновного, связанного с содействием правоохранительным органам в получении информации об обстоятельствах осуществления такого обучения. Достижение цели применения приведенных оснований освобождения от ответственности имеет важный профилактический характер и состоит в выявлении лиц и мест, связанных с криминальной педагогической деятельностью, для устранения их негативного воздействия, создающего условия для осуществления терроризма,

массовых беспорядков и иных опасных преступных проявлений.

Для принятия решения об освобождении от ответственности необходимо установить в постпреступных позитивных действиях лица **одно обязательное условие: сообщение органам власти о факте прохождения преступного обучения и одно из двух альтернативных условий** такого освобождения¹: *способствование раскрытию совершенного виновным преступления либо способствование выявлению лиц, связанных с прохождением обучения, и мест, где осуществлялось это обучение.*

Относительно **первого условия** следует отметить, что сущность соответствующего сообщения заключается в добровольном заявлении виновным лицом о факте прохождения им уголовно наказуемого обучения и тем самым, по сути, в признании своей вины в этом деянии. В рассматриваемых примечаниях законодателем не уточнено, в какие именно органы власти лицо должно сообщить о прохождении им криминального обучения, исходя из этого, логично предположить, что сообщение может быть сделано в абсолютно любые органы государственной власти, как Российской Федерации (далее — РФ), так и ее федеральных округов и субъектов, а также в органы местного самоуправления, которые, согласно ч. 3 ст. 132 Конституции РФ, входят в единую систему публичной власти РФ. Органы власти, получившие соответствующее сообщение, не обладающие полномочиями уголовного преследования по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 205³ и ч. 4 ст. 212 УК РФ, должны его зарегистрировать и передать² для про-

ведения доследственной процессуальной проверки в компетентные органы, которыми, согласно п. 1 и 2 ч. 2 ст. 151 УПК РФ, будут являться следственные органы Следственного комитета РФ и федеральной службы безопасности РФ. Если сообщение сделано в ходе личного приема, проводимого руководителем органа власти, у которого отсутствуют полномочия по рассмотрению таких сообщений, то заявителю разъясняется, в какой орган и каким образом следует обратиться с подобным сообщением³.

Важно отметить, что с сообщением в органы власти может обратиться как лицо, уже прошедшее обучение, так и лицо, проходящее обучение на момент обращения, поскольку в анализируемых примечаниях сказано о лице, совершившем преступление, а преступное обучение признается оконченным с момента его начала, независимо от того, получил ли обучаемый какие-либо навыки, умения и знания или нет⁴, при этом прекращение обучения не названо законодателем в качестве одного из конструктивных условий освобождения от ответственности. Если лицо сообщает лишь о предстоящем обучении и добровольно отказывается от начала его прохождения, то оно подлежит освобождению от ответственности на основании ст. 31 УК РФ «Добровольный отказ от преступления».

Хотя этого и не указано в соответствующих примечаниях, тем не менее следует отметить, что сообщение должно быть добровольным, т.е. виновное лицо должно его осуществлять по собственной воле, а не под принуждением или понуждением, кроме того, оно не должно совершаться иными лицами без его согласия.

¹ Некоторые авторы, как можно понять, полагают, что виновное лицо для освобождения от ответственности должно выполнить оба из двух альтернативных условий, а не одно из них, что не соответствует действительности, поскольку в тексте анализируемых примечаний законодателем используется разделительный союз «или» (См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. СПС «КонсультантПлюс»).

² См.: ч. 3 ст. 8 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

³ См.: ч. 5 ст. 13 Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ (ред. от 27 декабря 2018 г.) «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ См.: абз. 2 п. 22.1 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

Так, суд апелляционной инстанции обоснованно указал, что не может быть признано сообщением о факте прохождения обучения в целях осуществления терроризма — информирование отцом осужденного Э. должностных лиц Управления ФСБ РФ по Свердловской области о пребывании сына в Сирийской Арабской Республике, поскольку оно было сделано без ведома осужденного Э. и в нем не содержалось точных сведений о факте прохождения им обучения как такового, а лишь имелось предположение⁵.

Инициатива такого сообщения может исходить от самого виновного лица, его родственников, друзей, знакомых и т.д., а также от сотрудников правоохранительных органов в рамках правомерного склонения. Поскольку в тексте исследуемых примечаний сказано именно о сообщении, а не о явке с повинной⁶, то оно может содержать в себе информацию как о ранее не известном правоохранительным органам факте прохождения лицом обучения, так и об известном. Кроме того, сообщение может быть совершено лицом на любой стадии уголовного процесса, начиная с проверки сообщения о преступлении в порядке, предусмотренном ст. 144–145 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), и до удаления суда в совещательную комнату. Соответственно лицо не должно при первой возникшей реальной возможности сообщать в органы власти о факте прохождения им уголовно наказуемого обучения. Правоохранительным органам важно установить места проведения преступного обучения и лиц, к нему причастных, и потому абсолютно не имеет значения, когда к ним поступит подобная информация вместе с сообще-

нием виновного лица о совершении им преступления, до возбуждения уголовного дела о прохождении обучения либо на стадии рассмотрения такого уголовного дела судом по существу.

Так, суд апелляционной инстанции не признал в постпреступных действиях Б., совершившего преступление, предусмотренное ст. 205³ УК РФ, наличия такого условия освобождения от ответственности как сообщение о факте прохождения обучения, обосновав это тем, что Б. изначально дал ложные показания, после чего отказался от дачи показаний, сославшись на ст. 51 Конституции РФ, а затем подтвердил ранее данные ложные показания, и лишь потом добровольно признался в прохождении обучения⁷. Учитывая приведенные выше аргументы, подобное решение суда видится не в полной мере корректным.

Форма и способ осуществления сообщения может быть абсолютно любой, а именно: устно, письменно, запись аудио-видеообращения, лично, через посредника, дистанционно посредством почтовой, сотовой, спутниковой связи, сети Интернет (в том числе аудио-видеозвонка), электронной почты и т.д. Если по той или иной объективной причине сообщение оказалось недоставленным в органы власти (скажем, посредник не передал сообщение или оно было перехвачено), то анализируемое условие все-таки следует признать выполненным.

Как уже было отмечено выше, рассматриваемые основания освобождения от ответственности характеризуются наличием **двух альтернативных условий**, **первое** из которых заключается в способствовании раскрытию совершенного виновным прохождения криминального обучения. Согласно общепринятой позиции, в теории криминалистики и оперативно-розыскной деятельности под

⁵ См.: Апелляционное определение Судебной коллегии по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 14 марта 2019 г. № 203-АПУ19-5 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ В научной литературе отдельные авторы безосновательно отождествляют сообщение о преступлении и явку с повинной, что видится ошибочным (См.: Савельева В.С. Усиление ответственности за преступления террористической направленности: проблемы комплексного подхода // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 156–162).

⁷ См.: Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 12 июля 2017 г. № 205-АПУ17-21. Выполнения лицом лишь одного из условий, перечисленных в примечании к ст. 205³ УК РФ, недостаточно для освобождения его от уголовной ответственности // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2018. № 7.

«раскрытием преступления» понимается исключительно установление лица, совершившего преступление⁸. Аналогичным образом рассматриваемый термин воспринимается и в доктрине уголовно-процессуального права, однако момент «раскрытия» связан именно с моментом вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого⁹.

Что касается судебного толкования данного термина, то в «профильном» постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 (ред. от 29 ноября 2016 г.) «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности»¹⁰ он не раскрывается. В то же время в других актах Пленума Верховного Суда РФ этот термин разъясняется, однако в неразрывной взаимосвязи с таким смежным термином как «расследование преступления», что обусловлено их парным использованием в определенных нормах уголовного закона. Так, в частности, в соответствии с положениями п. 30 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 декабря 2015 г. № 58 (ред. от 18 декабря 2018 г.) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания»¹¹, способствование раскрытию и расследованию преступления, как обстоятельство, смягчающее наказание, выражается в указании на лиц, участвовавших в совершении преступления, сообщении их данных и мест нахождения, сведений, подтверждающих их участие в совершении преступления (курсив автора), а также в указании на лиц, которые могут дать свидетельские показания, лиц, которые приобрели похищенное имущество; в указании места сокрытия похищенного, места нахождения орудий преступления,

иных предметов и документов, которые могут служить средствами обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела. В свою очередь, в абзаце 4 п. 29 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 24 (ред. от 24 декабря 2019 г.) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях»¹² отмечается, что способствование раскрытию и расследованию преступления (применительно к специальному основанию освобождения от ответственности лица, давшего взятку (примечание к ст. 291 УК РФ)) «должно состоять в совершении лицом действий, направленных на изобличение причастных к совершенному преступлению лиц (взяточкодателя, взяточполучателя, посредника, лиц, принявших или передавших предмет коммерческого подкупа) (курсив автора), обнаружение имущества, переданного в качестве взятки или предмета коммерческого подкупа, и др.». Как видно, в двух приведенных актах судебного толкования Пленум при описании сущности рассматриваемого термина сначала указывает действия, связанные с раскрытием преступления (указание на лиц, совершивших преступление, изобличение причастных к совершению преступления лиц), а затем уже действия по способствованию расследованию преступления (обнаружение имущества, орудий, средств совершения преступления и т.д.), и поэтому можно с определенной долей допущения утверждать, что и Пленум Верховного Суда РФ, так же как и доктрина уголовного процесса, криминалистики и оперативно-розыскной деятельности, понимает под раскрытием преступления именно установление лиц, совершивших преступление (причастных к его совершению). Соответственно лицо, прошедшее преступное обучение, должно оказывать добровольную помощь правоохранительным органам по установлению лиц, совершивших преступление, о котором оно сообщило, т.е., по сути, помогать в установлении самого себя (что уже

⁸ См., например: Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике. М.: Юридическая литература, 1988. С. 227–229.

⁹ См., например: Михайлов А.И., Сергеев Л.А. Процессуальная сущность раскрытия преступлений // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 114–115.

¹⁰ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 8.

¹¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 2.

¹² См.: Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

выполнено лицом при реализации первого обязательного условия, связанного с сообщением о факте прохождения им обучения), если, конечно, оно не проходило подобное обучение в составе группы лиц по предварительному сговору или организованной преступной группы, сведения об участниках которых вполне можно сообщить при способствовании раскрытию. Тем не менее следует отметить, что второе альтернативное условие включает в себя в том числе способствование установлению лиц, прошедших обучение. Таким образом, очевидно, что способствование раскрытию прохождения обучения охватывается как условием, связанным с сообщением о прохождении лицом обучения, так и условием, связанным с установлением лиц, причастных к осуществлению обучения, и мест его проведения, в связи с чем представляется целесообразным исключить из текста анализируемых примечаний рассматриваемое условие освобождения от ответственности. Помимо этого, наличие в примечаниях этого условия позволяет виновному быть освобожденным от ответственности лишь сообщив о лицах, с которыми он совместно проходил обучение, умолчав при этом информации об иных лицах, связанных с обучением, либо о местах проведения обучения, что видится недопустимым, поскольку противоречит базовой цели соответствующих поощрительных норм.

Переходя к анализу **второго альтернативного условия** освобождения от ответственности, следует отметить, что оно характеризуется выполнением следующих действий:

а) способствование выявлению лиц, причастных к криминальному обучению, т.е. обучаемых (лиц, прошедших преступное обучение), преподавателей, инструкторов (лиц, осуществлявших преступное обучение), организаторов (лиц, создавших необходимые условия для преступного обучения или руководивших им), финансистов обучения (лиц, которые предоставляли или собирали средства либо оказывали финансовые услуги в целях материального обеспечения преступного обучения). Причем в данном

случае речь идет не только о лицах, уже совершивших указанные преступные действия, но и о лицах, совершающих такие действия на момент сообщения виновным сведений о них (например, о лицах, проходящих фактическое обучение на момент сообщения об этом факте);

б) способствование выявлению мест осуществления преступного обучения. При этом не имеет значения, проводится ли в настоящее время там обучение или подобный учебный центр уже не функционирует (например, был уничтожен, ликвидирован).

Так же, как и сообщение лицом о факте прохождения обучения, приведенное условие освобождения от ответственности должно выполняться на добровольных началах, без какого-либо неправомерного принуждения или понуждения. Подобное способствование может осуществляться как до возбуждения уголовного дела, так и на стадии предварительного расследования или судебной стадии уголовного процесса. Форма и способ передачи правоохранительным органам соответствующей информации аналогичны форме и способу передачи сообщения о прохождении обучения. Также в случае, когда указанная информация не была доставлена в органы власти по причинам, не зависящим от воли виновного, рассматриваемое условие тем не менее необходимо оценивать как выполненное.

Важно заметить, что вооружение, т.е. предоставление для обучения любого вида оружия (штык-ножей, винтовок, пулеметов, минометов и т.д.), боеприпасов (патронов, снарядов и т.д.), взрывных устройств, взрывчатых устройств, боевой техники (танки, боевые машины пехоты, БТР и т.д.), а также радиоактивных веществ и ядерных материалов¹³, не охватывается финансированием терроризма, а представляет собой самостоятельное действие, образующее объективную сторону преступления, предусмотренного ч. 1.1.

¹³ См.: п. 15 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9 февраля 2012 г. № 1 (ред. от 3 ноября 2016 г.) «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

ст. 205¹ УК РФ, в связи с чем сообщение виновным о лицах, которые снабдили учебный процесс перечисленными предметами вооружения, не может оцениваться как выполнение рассматриваемого условия. Подобный пробел уголовно-правового регулирования следовало бы устранить путем добавления в текст примечания к ст. 205³ УК РФ указания о лицах, предоставивших предметы вооружения для обучения.

Как верно отмечается в научной литературе, для признания анализируемого условия выполненным достаточно осуществить хотя бы одно из указанных выше действий¹⁴, однако следует уточнить, что одного действия достаточно именно в тех случаях, когда другие действия лицом не могут быть объективно выполнены (скажем, лицо знает лишь о месте обучения, а о лицах, причастных к обучению, информацией не обладает). Иными словами, лицо должно сообщить компетентным органам максимально все имеющиеся у него сведения об обучении, предпринять все зависящие от него усилия по выявлению соответствующих лиц и мест. Если у органов следствия или суда возникнут обоснованные сомнения в искренности и правдивости сообщаемых лицом сведений (например, лицо заявляет, что не знает или не помнит ничего об обстоятельствах своего обучения, либо намеренно умалчивает отдельные данные) либо в желании помочь установлению необходимых лиц и мест, то освобождение от ответственности исключается.

В теории имеется позиция, согласно которой способствование установлению лиц, связанных с обучением, и мест обучения — это результат. Иначе говоря, по итогам такого способствования должно быть выявлено «хотя бы одно место, ... хотя бы одно лицо»¹⁵. Тем не менее, исходя из буквального грамматического толкова-

ния исследуемого условия, способствование — это процесс, результат которого не имеет уголовно-правового значения (находится вне данного условия). Поэтому лицо должно стремиться оказать предельную помощь правоохранительным органам в выявлении соответствующих лиц и мест, а не достичь результата в виде их точного установления.

В рамках такого способствования (при допросе и иных следственных действиях) виновный может указать анкетные данные лиц, причастных к уголовно наказуемому обучению (ФИО, место работы, должность, адрес регистрации по месту проживания или пребывания, адрес фактического пребывания, фотографии, аудио-видеозаписи, на которых имеется изображение внешности, образцы голоса и т.п.), контактную информацию (номер мобильного телефона, адрес электронной почты, адрес страниц в соцсетях, блогах, форумах и т.д.) и иные сведения о них (используемый транспорт, клички, псевдонимы, позывные, информация о физиологических особенностях внешности и т.п.). Виновное лицо может также способствовать выявлению соответствующих лиц путем участия в следственных действиях и оперативно-розыскных мероприятиях, направленных на их установление (опознание, очная ставка, отождествление личности, оперативное внедрение, к примеру).

Что касается способствования выявлению мест осуществления криминального обучения, то это может быть выражено в сообщении адреса квартиры, домовладения, географических координат участка местности, где проводилось обучение, а также в указании месторасположения на топографической карте (в том числе с использованием картографических интернет-сервисов Google Карты, Яндекс. карты, к примеру) таких мест.

В тексте анализируемых примечаний, как и в тексте многих других примечаний к статьям Особенной части УК РФ, устанавливающих освобождение от ответственности, законодателем сделана оговорка, которая обычно воспринимается как еще одно конструктивное

¹⁴ См.: Комиссаров В.С., Агапов П.В. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности // Уголовное право. 2016. № 5. С. 35–40.

¹⁵ См.: Степалин В.П. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Особенная часть. Раздел IX / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017 // СПС «КонсультантПлюс».

условие освобождения¹⁶, суть которой сводится к необходимости отсутствия в деянии виновного лица иного состава преступления. Приведенная оговорка весьма часто понимается практиками как обстоятельство, исключающее (делающее невозможным) освобождение от ответственности, в силу наличия в действиях лица иного состава преступления, в связи с чем Пленум Верховного Суда РФ постоянно приходится в своих разъяснениях раскрывать истинную суть этого условия, заключающуюся в том, что освобождение от ответственности происходит только за преступления, указанные в примечаниях, и в случае совершения иных преступлений лицо несет за них ответственность на общих основаниях¹⁷.

Необходимо особо отметить, что в случаях, когда лицо, являющееся сотрудником правоохранительных органов, или лицо, оказывающее им гласное или негласное содействие, проходило криминальное обучение в рамках проведения такого оперативно-розыскного мероприятия как «Оперативное внедрение», предусмотренное ст. 6 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ

¹⁶ См.: Комиссаров В.С., Агапов П.В. Указ. раб. С. 35–40.

¹⁷ Одни из последних подобных разъяснений закреплены в абз. 2 п. 11 и абз. 2 п. 17 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

«Об оперативно-розыскной деятельности»¹⁸, в целях документирования и разоблачения преступной образовательной деятельности, а также установления лиц, связанных с ее осуществлением, то в его действиях отсутствует состав преступлений, предусмотренных ст. 205³ и ч. 4 ст. 212 УК РФ, и, следовательно, рассматриваемые специальные основания освобождения от ответственности применению не подлежат.

В заключение хотелось бы отметить, что в целях повышения эффективности выявления фактов осуществления преступного обучения видится целесообразным закрепить в УК РФ поощрительные нормы, аналогичные исследованным, которые распространяли бы свое действие на преподавателей, инструкторов, проводивших обучение (ч. 1.1. ст. 205¹ и ч. 1 ст. 212 УК РФ). Для освобождения от ответственности им было бы необходимо сообщить о факте осуществления уголовно наказуемого преподавания, а также всю имеющуюся информацию об обстоятельствах такой деятельности (лицах, причастных к обучению, и местах его проведения). В силу принципиально высокой общественной опасности действий по организации обучения в преступных целях, представляется недопустимым ни при каких условиях освобождение от ответственности организаторов подобного обучения.

¹⁸ См.: СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

Литература

1. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории — к практике / Р.С. Белкин. Москва : Юридическая литература, 1988. 304 с.
2. Комиссаров В.С. Ответственность за прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности / В.С. Комиссаров, П.В. Агапов // Уголовное право. 2016. № 5. С. 35–40.
3. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 томах. Т. 3. Особенная часть. Раздел IX / ответственный редактор В.М. Лебедев. Москва : Юрайт, 2017. 298 с.
4. Михайлов А.И. Процессуальная сущность раскрытия преступлений / А.И. Михайлов, Л.А. Сергеев // Советское государство и право. 1971. № 4. С. 114–115.
5. Савельева В.С. Усиление ответственности за преступления террористической направленности: проблемы комплексного подхода / В.С. Савельева // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 6. С. 156–162.

Профилактика распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах, в которых отбывают наказания осужденные к принудительным работам

Питкевич Лидия Петровна,
научный сотрудник Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России
lida-19832008@yandex.ru

Лакина Ирина Александровна,
начальник отдела Научно-исследовательского института
Федеральной службы исполнения наказаний России
shumik@mail.ru

Статья посвящена проблематике распространения криминальной субкультуры среди осужденных к уголовному наказанию в виде принудительных работ. Предметом статьи выступило отечественное законодательство, научная литература по исследуемой теме, а также результаты проведенного исследования. Цель исследования — проанализировать предпосылки и уровень распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах. Методологическую основу исследования составила совокупность общенаучных, социологических и специально-юридических методов. В основе работы лежат аналитический метод, синтез, индукция, системно-структурный, формально-логический, технико-юридический методы. В результате проведенной работы изучен криминогенный состав осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, проанализирован опыт профилактики распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах.

Ключевые слова: принудительные работы, исправительные центры, криминальная субкультура.

Prevention of Dissemination of Criminal Subculture in Correction Centers Where the Convicted to Compulsory Labor Serve Their Sentence

Lidia P. Pitkevich
Research Scientist of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

Irina A. Lakina
Department Head of the Research Institute
of the Federal Penitentiary Service of Russia

The article is devoted to the problems of the spread of criminal subculture among those sentenced to criminal punishment in the form of forced labor. The subject of the article was the domestic legislation, scientific literature on the topic under study, as well as the results of the study. The purpose of the study is to analyze the prerequisites and the level of spread of the criminal subculture in correctional centers. The methodological basis of the study was a combination of general scientific, sociological and special legal methods. The work is based on the analytical method, synthesis, induction, system-structural, formal-logical, technical-legal methods. As a result of the work carried out, the criminogenic composition of convicts serving sentences in the form of forced labor was studied, the experience of preventing the spread of criminal subculture in correctional centers was analyzed.

Keywords: forced labor, correctional centers, criminal subculture.

Большой интерес представляет неофициальное деление осужденных на различные группы, существующие внутри их сообщества. Это четкая и стройная иерархия, созданная самими осужденными,

отражающая действительность. В основе неформального деления осужденных на группы лежат различные отношения между осужденными, которые основаны на обычаях и традициях преступного

мира, сложившиеся и укоренившиеся настолько давно, что имеют свою собственную историю. Не стоит оставлять без внимания и общие тенденции уголовно-исполнительной политики к смягчению условий отбывания наказания осужденными, замене неотбытой части наказания в виде лишения свободы более мягким видом, перевод осужденных на отбытие наказания в учреждения, ближайшие к их месту прописки, семье, близким и т.д.

Указанное положение дел предполагает необходимость изучения характерных признаков пенитенциарной субкультуры, все более выходящей за пределы учреждений, исполняющих наказания в виде лишения свободы, и вероятность ее негативного влияния на лиц, отбывающих наказания, альтернативные лишению свободы.

Изучение статистических данных и проведенное нами исследование¹ показало, что основная численность осужденных, отбывающих наказания в исправительных центрах, это лица, освобожденные из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания (80–85%).

Численность осужденных, состоящих на учете исправительных центров (участков, функционирующих в режиме исправительного центра) территориальных органов Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации, которым принудительные работы назначены по приговору суда, составляет порядка 10–15%.

Численность осужденных, принудительные работы которым назначены в связи со злостным уклонением от отбывания иного вида наказания, составляет 5–10%.

Наиболее распространенные проявления криминальной субкультуры в среде осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ:

— татуировки — по мнению 72% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— агрибутика в одежде — по мнению 4% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— принадлежность к АУЕ² — по мнению 21,33% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— принадлежность к иным асоциальным сообществам/группам (социальные сети, молодежные криминальные группировки и пр.), вызывающим асоциальное, агрессивное поведение — по мнению 21,33% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— использование тюремного сленга — по мнению 1,33% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— жаргон, демонстративно-шантажное поведение (манера общения) — по мнению 5,33% сотрудников опрошенных исправительных центров;

— связь с тюремными традициями — по мнению 2,67% сотрудников опрошенных исправительных центров;

Большинство опрошенных осужденных, отбывающих наказание в виде принудительных работ, которым наказание назначено по приговору суда, отметили, что в исправительных центрах криминальная субкультура не распространена, сравнив исправительный центр с «рабочим общежитием».

Исследование показало, что при проведении достаточных профилактических мероприятий, организации и проведении воспитательной и психологической работы с осужденными, отбывающими наказание в виде принудительных работ, распространение в исправительных центрах криминальной субкультуры и влияние лиц, освобожденных из мест лишения свободы в связи с заменой неотбытой части наказания принудительными работами, влияние на уровень криминальной зараженности осужденных

¹ В целях проведения исследования опрошены сотрудники исправительных центров (участков, функционирующих как исправительные центры) 71 территориального органа ФСИН России. А также осужденные, которым принудительные работы назначены по приговору суда.

² АУЕ — «арестантское уголовное единство» — название и девиз криминальной субкультуры и сообщество, пропагандирующее воровские понятия российской криминальной среды и тюремные понятия. 17 августа 2020 г. Верховный Суд Российской Федерации принял решение о признании движения экстремистским.

к принудительным работам может быть минимизировано и поддерживаться на уровне, определенном исследованием.

Сотрудниками опрошенных исправительных центров, принявшими участие в исследовании, предложены следующие меры противодействия и профилактики распространения криминальной субкультуры в исправительных центрах:

- введение в штатное расписание ИЦ (УФИЦ) оперативного сотрудника;

- снижение уровня эмоционального напряжения и конфликтных ситуаций, оказание психологической и социальной помощи осужденным;

- социальная адаптация осужденных;

- повышение качества воспитательной работы, проведение эффективных, социально ориентированных воспитательных мероприятий с осужденными к принудительным работам;

- вовлечение осужденных в занятие спортом и трудовую деятельность;

- пропаганда патриотизма, здорового образа жизни, труда среди осужденных к наказанию в виде принудительных работ;

- в целях профилактики распространения криминальной субкультуры проводить занятия по выработке устойчивого неприятия криминальной субкультуры;

- за поддержание и распространение осужденными субкультуры возвращать в места лишения свободы, включить данный пункт в злостные нарушения (внести пункт о запрете распространения субкультуры в правила внутреннего распорядка исправительных центров);

- ужесточить меры наказания для осужденных, распространяющих и придерживающихся традиций криминальной субкультуры в учреждении, вплоть до уголовной ответственности;

- перед заменой лишения свободы на принудительные работы отбирать подпи-

ски об отказе поддержания криминальной субкультуры;

- увеличение штата сотрудников исправительных центров;

- в исправительные центры направлять только ранее не судимых и лиц, которым принудительные работы назначены по приговору суда;

- раздельное содержание впервые осужденных и ранее судимых (исключить совместное содержание осужденных по приговору суда с осужденными, которые были освобождены из мест лишения свободы в связи с заменой наказания более мягким видом наказания);

- организовать на систематической основе взаимодействие исправительных центров с православной церковью, иными религиозными незапрещенными организациями;

- проводить совместные мероприятия с семьями осужденных. Укреплять социальные связи с родственниками;

- периодический сбор информации (путем анкетирования осужденных) о распространении криминальной субкультуры в исправительных центрах;

- коррекционные мероприятия, проводимые психологами с осужденными к наказанию в виде принудительных работ;

- проведение воспитательной работы с приведением примеров из жизни осужденных, освободившихся из исправительных центров.

Одной из основных задач при исполнении наказания в виде принудительных работ, является недопустимость влияния субкультур на осужденных, которые впервые попали в учреждения уголовно-исполнительной системы — в Исправительный центр, численность и наполняемость которых увеличивается ежемесячно, а также распространение криминальной субкультуры в любых ее проявлениях.

Литература

1. Габараев А.Ш. Вопросы правового и организационного совершенствования порядка исполнения наказания в виде принудительных работ / А.Ш. Габараев, Л.П. Питкевич // Вестник Пермского института ФСИН России. 2020. № 1 (36). С. 17–22.
2. Уваров И.А. Криминологические особенности функционирования неформальных норм поведения в условиях изоляции от общества / И.А. Уваров // Российский следователь. 2021. № 3. С. 60–63.

Квазимассовость в криминальной кооперации: количественные признаки участников массовых беспорядков

Маджумаев Мурад,

аспирант кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Юридического института Российского университета дружбы народов
murad.mad@outlook.com

В статье рассматриваются особенности квалификации объективных признаков соучастия в совершении массовых беспорядков, а именно — количественных показателей его участников. В отечественном уголовном законодательстве не получили формального закрепления арифметические указатели множественности субъектов рассматриваемого состава преступления. В правоприменительной практике имеются случаи неоднозначного трактования признака «массовости». Целью статьи является изучение зарубежного опыта правотворческой регламентации данного состава преступления. Действующие нормативно-правовые акты Российской Федерации (далее — РФ) и США федерального и регионального уровней, а также научные труды специалистов в области уголовного права, криминологии, политологии и психологии послужили источниками для проведения настоящего исследования. Результаты и выводы основывались на философско-мировоззренческом: диалектическом подходе; общенаучных методах исследования: методах формальной логики, системном; а также частнонаучных и специальных: синхронном сравнительно-правовом, формально-юридическом, интерпретационном и др. Выделены две формы детерминации численности участников толпы: с обозначением количественных и качественных параметров. Сделан вывод о целесообразности не предаваться казуистическим подробностям, не конкретизируя в диспозиции нормы точного указания количества участников массовых беспорядков.

Ключевые слова: массовые беспорядки, преступная кооперация, общественные волнения, субъект преступления, соучастие, множественность субъектов, толпа, массовость, количественные признаки толпы.

Quasi Mass Character in Criminal Cooperation: Quantitative Signs of Mass Unrest Participants

Murad Madzhumaev

Postgraduate Student of the Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminalistics
of the Peoples' Friendship University of Russia

The article examines the peculiarities of qualification of objective features of complicity in civil disorders, particularly the quantitative indicators of its participants. The arithmetic qualifiers of a multiplicity of offenders involved in the given corpus delicti have not been formalized in the domestic criminal legislation. Consequently, the law enforcement practice faces ambiguous cases of interpretation of the criterion of «massiveness». The purpose of the article is the study of foreign legislative experience regarding the regulation of this offence. Effective federal and regional legal acts of the Russian Federation and the United States, along with the scholarly research of specialists in criminal law, criminology, political science, and psychology served as the sources for this study. The results and conclusions are based on philosophical and ideological: dialectical approach; general scientific methods of research: methods of formal logic, systematic; as well as private scientific and special methods: synchronic comparative legal, formal-legal, interpretative, etc. There are distinguished two forms of determination of the number of participants of the mob: with the designation of quantitative and qualitative parameters. It is concluded that it is expedient to not indulge in casuistic details, avoiding the specification of an exact number of participants in a civil disorders within the disposition of a rule of law.

Keywords: civil disorders (riots), criminal cooperation, public disturbance, offender, complicity, multiplicity of offenders, mob, massiveness, quantitative aspects of a mob.

Участившиеся в последнее время случаи массовых беспорядков приобретают особую общественную опасность в связи с вовлечением в совершение насильственных действий все более широкого круга лиц. В частности,

эксплуатация организаторами и (или) подстрекателями информационно-коммуникационных технологий в целях привлечения к участию в массовых мероприятиях, в том числе несогласованных, представителей различных групп

населения обуславливает потенциальную уязвимость к дальнейшей эскалации в массовые беспорядки. В ряде случаев объективная направленность данного состава преступления не ограничивается исключительно угрозой общественной безопасности и общественному порядку.

Разнообразные образования, обладающие международной правосубъектностью, имплицитно конструируют внешнеполитические стратегии по демонтажу политических режимов суверенных государств с последующей организацией в них государственных переворотов по «методичке», так называемых «цветных революций»¹. Последние, имитируя социальные проблемы с эндогенными или экзогенными детерминантами, посягают на основы конституционного строя и государственной безопасности. В качестве одной из деструктивных политических технологий, направленной против государства, могут выступать массовые беспорядки.

При этом следует отграничивать массовые беспорядки от вооруженного мятежа (ст. 279 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ)). Объективная сторона последнего состоит в формировании вооруженного структурного образования и (или) деятельном участии в нем, необходимом при подготовке и проведении антигосударственных акций, с применением насилия (с использованием оружия или действительной угрозой его применения) в отношении представителей власти с явно выраженной целью — насильственного свержения власти и нарушения территориальной целостности государства². Статью 279 УК РФ следует

считать специальной нормой по отношению к ст. 212 УК РФ. С формальной точки зрения, массовые беспорядки могут носить и организованный характер, однако такой признак, наряду с вооруженным характером преступного сообщества, не относится к его составным элементам. Как правило, массовые беспорядки характеризуются стихийным происхождением или, по крайней мере, искусственной имитацией такой спонтанности.

В отечественном уголовном законодательстве (ст. 212 УК РФ) отсутствует определение самого понятия массовых беспорядков³, а также не формализованы количественные и качественные характеристики их участников. В этой связи автору настоящей статьи представляется крайне актуальным исследование обозначенных особенностей такой формы преступной кооперации с параллелью изучения зарубежного опыта (в частности, США). Ведь именно «массовость» приумножает общественную опасность рассматриваемого состава преступления.

Характерными признаками массовых беспорядков выступают совместное участие значительного числа лиц в применении или угрозе применения насилия, затрагивающее интересы граждан, посягающее на жизнь, здоровье, имущество, а также на нормальное функционирование государственных и общественных институтов.

Существует мнение, что толпа в уголовно-правовом значении понимается как группа лиц без предварительного сговора⁴. Как представляется автору

¹ Даниюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике: монография. М.: Юнити-Дана, 2018.

² Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66–70; Кулев А.Г., Кулева Л.О. Вооруженный мятеж: вопросы совершенствования состава // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 22; Жукова С.С. Уголовно-пра-

вовая характеристика массовых беспорядков и вооруженного мятежа // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60). С. 158–159.

³ Елисеев С.А. Определение массовых беспорядков в уголовных законах России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 31–32.

⁴ Багмет А.М. Субъект массовых беспорядков: возраст и освобождение от наказания // Исследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3. С. 41.

настоящей статьи, столь агрессивно настроенная «масса» вполне возможна как в виде группы лиц с предварительным сговором, так и без него. Выявляя признак заранее достигнутого сговора на совершение массовых беспорядков, необходимо проанализировать механизмы формирования такой толпы, которая может быть стихийной, организованной с элементами спонтанности, а также искусственной⁵.

Законодатель в ч. 1 ст. 35 УК РФ определяет совершение преступления группой лиц в качестве совместного участия в нем не менее двух лиц.

В положениях федерального уголовного законодательства США и отдельных штатов содержатся количественные характеристики участников массовых беспорядков. Так, § 2101 Свода законов США предусматривает уголовную ответственность за передвижение (поездку) по межштатным или международным торговым путям с целью подстрекательства к беспорядкам; организацию, пособничество, участие в беспорядках; совершение насильственных действий в целях содействия беспорядкам; пособничество и (или) подстрекательство других лиц к совершению указанных действий⁶. Деяния, способствующие, повышающие общественную опасность массовых беспорядков и содействующие потенциальным участникам беспорядков в освоении навыков обращения с оружием, взрывчатыми веществами и зажигательными устройствами, криминализованы в соответствии с § 231 Свода законов США⁷. В совершении объективной стороны каждого из этих преступлений требуется совместное участие трех или более лиц.

В ряде штатов необходимо совместное соучастие не менее двух человек в

выполнении действий, составляющих материальный элемент массовых беспорядков: Калифорния⁸, Джорджия⁹, Айдахо¹⁰, Невада¹¹ и др. Между тем в Айове¹², Миннесоте¹³, Нью-Гэмпшире¹⁴, Пенсильвании¹⁵ и Вермонте¹⁶ для квалификации массовых беспорядков требуется минимум три участника.

В некоторых штатах массовые беспорядки совершаются при участии пяти и более человек: Индиана¹⁷, Нью-Джерси¹⁸, Огайо¹⁹, Северная Дакота²⁰ и др.

В таких штатах, как Алабама²¹, Аляска²², Орегон²³ и Мэн²⁴, для расценивания массовых беспорядков уже достаточно группы из шести человек, в то время как в Техасе²⁵ и Коннектикуте²⁶ — семерых участников. В Нью-Йорке²⁷ для признания беспорядков

⁸ U.S. California Penal code. Part 1, Title 11, 404. (a).

⁹ U.S. Official Code of Georgia. Title 16, Chapter 11, Article 2, § 16-11-30.

¹⁰ U.S. Idaho Statutes. Title 18, Chapter 64, 18-6401.

¹¹ U.S. Nevada Revised Statutes. Title 15, Chapter 203, 203.070.

¹² U.S. Iowa Code. Title XVI, Chapter 723, 723.1

¹³ U.S. Minnesota Statutes. Chapter 609, Section 609.71.

¹⁴ U.S. New Hampshire Revised Statutes Annotated. Title LXII, Chapter 644, Section 644:1.

¹⁵ U.S. Statutes of Pennsylvania. Consolidated Statutes. Title 18, Article F, Chapter 55, Subchapter A, Section 5501.

¹⁶ U.S. The Vermont Statutes. Title 13, Chapter 019, Subchapter 001, § 901.

¹⁷ U.S. Indiana Code. Title 35, Article 45, Chapter 1. Section 35-45-1-2, Section 35-45-1-1.

¹⁸ U.S. New Jersey General and Permanent Statutes. Title 2C, 2C:33-1.

¹⁹ U.S. Ohio Revised Code. Title 29, Chapter 2917, Section 2917.03.

²⁰ U.S. North Dakota Century Code. Title 12.1, Chapter 12.1-25, Section 12.1-25-01.

²¹ U.S. Code of Alabama. Title 13A, Chapter 11, Article 1, Section 13A-11-3.

²² U.S. Alaska Statutes. Title 11, Article 1, Chapter 61, Section 11.61.100.

²³ U.S. Oregon Revised Statutes. Volume 04, Title 16, Chapter 166, Section 166.015.

²⁴ U.S. Maine Revised Statutes. Title 17-A, Part 2, Chapter 21, §503.

²⁵ U.S. Texas Penal Code. Title 9. Chapter 42. Section 42.02.

²⁶ U.S. Connecticut General Statutes. Title 53a, Part XIII, Section 53a-175.

²⁷ U.S. Consolidated Laws of New York. Chapter 40, Part 3, Title N, Article 240, Section 240.06.

⁵ Забарин А.В. Психология толпы и массовых беспорядков : учебник и практикум для вузов. М. : Издательство «Юрайт», 2022. С. 17–44.

⁶ Anti-riot act of 1968. 18 U.S.C. Title 18, Part I, Chapter 102, Section 2101 — Riots.

⁷ Civil Obedience Act of 1968. 18 U.S.C. Title 18, Part I, Chapter 12, Section 231 — Civil disorders.

обязательны 11 человек, а во Флориде²⁸ — 26 и более человек.

На сегодняшний день в теории отечественного уголовного права нет единства во взглядах относительно такого признака, как «массовость».

Так, одни авторы считают, что под массовостью следует понимать такое скопление людей, при котором они становятся способными «контролировать положение на определенной территории», т.е. их численность должна быть достаточной для блокирования дорожного и пешеходного движения, срыва массового мероприятия, нарушения бесперебойной деятельности различных учреждений и организаций²⁹.

Напротив, утверждается, что вовсе нет необходимости устанавливать возможность толпы быть «хозяином положения», обосновывая это достаточностью наличия нескольких десятков людей, наделенных свойствами неперсонифицированного, коллективного поведения³⁰. Вместе с тем указывается на оценочный характер параметра «массовости», который не подлежит формализации.

С другой стороны, утверждается, что массовость как обязательный признак рассматриваемого преступления, помимо лиц, участвующих в них, подразумевает также количество посягающих объектов и синхронно совершаемых общественно опасных деяний, формирующих подобные беспорядки³¹.

В Постановлении Правительства РФ от 25 марта 2015 г. № 272 определены следующие основные категории места

с массовым пребыванием лиц: к первой категории относятся — единовременное пребывание более 1 000 человек; ко второй категории — единовременное пребывание численностью от 200 до 1 000 человек; к третьей категории — единовременное пребывание граждан в пределах 50–200 человек³². Основываясь на этом, в теории предлагалось квалифицировать действия лиц численностью как минимум 50 человек достаточным критерием массовости³³.

Автором настоящей статьи разделяется позиция судьи Конституционного Суда РФ В.Г. Ярославцева, отметившего, что: «понятие «массовость» участников публичных мероприятий презюмирует невозможность точного (арифметического) подсчета возможного количества участников этих акций»³⁴. Справедливо отмечается, что нет необходимости в указании в диспозиции нормы точного количества участников³⁵.

²⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 25 марта 2015 г. № 272 «Об утверждении требований к антитеррористической защищенности мест массового пребывания людей и объектов (территорий), подлежащих обязательной охране полицией, и форм паспортов безопасности таких мест и объектов (территорий)». URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102370057&rdk=&firstDoc=1&link_id=0&intelsearch=\(дата обращения: 21.02.2022\)](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102370057&rdk=&firstDoc=1&link_id=0&intelsearch=(дата обращения: 21.02.2022)).

²⁹ Кумышева М.К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков // Проблемы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2018. № 3. С. 80.

³⁰ Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 18 мая 2012 г. № 12-П «По делу о проверке конституционности положений части 2 статьи 20.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, пункта 3 части 4 статьи 5 и пункта 5 части 3 статьи 7 Федерального закона «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» в связи с жалобой гражданина С.А. Каткова». URL: [http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156678&rdk=&backlink=1\(дата обращения: 21.02.2022\)](http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102156678&rdk=&backlink=1(дата обращения: 21.02.2022)).

³¹ Кудашкин С.К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 21 ; Векленко С.В., Якунин А.И. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 3. С. 28.

²⁸ U.S. Florida Statutes. Title XLVI, Chapter 870, Section 870.01.

²⁹ Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47–48 ; Халилев Р.А. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 2. С. 42.

³⁰ Вдовиченко К.Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2015. С. 117.

³¹ Кабанов Н.А. Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2020. С. 56–57.

На самом деле в контексте массовых беспорядков ни 2, ни 3, ни 5, ни даже 7 человек не являются достаточными для признания их «массой» людей, толпой³⁶. Столь формализованная псевдомасса на практике может усложнить и без того непростой вопрос дифференциации массовых беспорядков от хулиганства, совершенного группой лиц или группой лиц по предварительному сговору. Помимо несущественных расхождений в объективной и субъективной (в частности, мотива) сторонах указанных преступлений, установление признака агрессивной «массы» способствует их разграничению³⁷.

Действительно, такие признаки, как сложность наружного сдерживания в силу неопределенности состава участников толпы, неустойчивости или отсутствия иерархической структуры взаимоотношений между участниками, а равно организованность «управляемой» толпы в условиях притворства стихийности, создающей угрозы безопасности, посягающей на охраняемые законом интересы граждан, подрывающей нормальное функционирование государственных и (или) общественных институтов, представляют собой качественные характеристики «массовости», служащие отличительными особенностями от смежных составов преступлений.

Основы формализации точных участников в случае указания их в диспозиции нормы, должны быть однознач-

ными, закономерными, понятными по смыслу содержания как самому правоприменителю, так и гражданам. При этом они не должны порождать противоречия в их применении. Казуистические детали как указание численности толпы, например, те же 50 человек, не соответствуют целям и принципам законодательного регулирования, а равно могут привести к сужению сферы применения такой нормы. Тем более, что в таких случаях будет довольно затруднительно аргументировать, за счет каких причин массовостью признается именно такое количество лиц, да и почему условно 49 человек таковыми считаться не будут.

В заключение следует отметить, что между массовыми беспорядками, вооруженным мятежом и групповым хулиганством существуют, хотя и незначительные, различия. Главным образом перечисленные составы отличаются по своей субъективной стороне. Анализ законодательных положений о массовых беспорядках США (в том числе отдельных штатов) и РФ позволяет выделить две формы правотворческой техники в части конкретизации качественных или количественных характеристик участников массовых беспорядков. При этом трудности и громоздкость в выработке количественных признаков «массовости» объясняют воздержание законодателя от указания его численного индикатора в диспозиции нормы. В противном случае это окажется стремлением к чрезмерно буквальной имплементации принципа правовой определенности (фактически не являющегося таковым), которое на деле приведет к противоречию с замыслом уголовно-правового запрета на массовые беспорядки и неоправданно широкому или, наоборот, узкому применению такой нормы.

³⁶ Kaminski M.E. Incitement to riot in the age of flash mobs // University of Cincinnati Law Review. 2012. № 81(1). P. 18.

³⁷ Векленко С.В., Якунин А.И. Спорные вопросы разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3. С. 14–15.

Литература

1. Агапов П.В. Вооруженный мятеж: некоторые аспекты уголовно-правовой характеристики и совершенствования законодательства / П.В. Агапов // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 10. С. 66–70.

2. Багмет А.М. Субъект массовых беспорядков: возраст и освобождение от наказания / А.М. Багмет // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. 2019. № 3 (25). С. 39–44.
3. Вдовиченко К.Г. Уголовно-правовое противодействие преступлениям в сфере организации и проведения публичных массовых мероприятий : диссертация кандидата юридических наук / К.Г. Вдовиченко. Краснодар, 2015. 221 с.
4. Векленко С.В. Законодательная регламентация уголовной ответственности за массовые беспорядки в зарубежных странах / С.В. Векленко, А.И. Якунин // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2011. № 1 (3). С. 23–29.
5. Векленко С.В. Спорные вопросы разграничения массовых беспорядков и группового хулиганства / С.В. Векленко, А.И. Якунин // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 3 (29). С. 7–16.
6. Данюк Н.С. «Цветные революции». От теории к практике : монография / Н.С. Данюк. Москва : Юнити-Дана, 2018. 527 с.
7. Елисеев С.А. Определение массовых беспорядков в уголовных законах России / С.А. Елисеев // Вестник Томского государственного университета. Право. 2020. № 38. С. 31–32.
8. Жукова С.С. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков и вооруженного мятежа / С.С. Жукова // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2020. № 2 (60). С. 158–159.
9. Забарин А.В. Психология толпы и массовых беспорядков : учебник и практикум для вузов / А.В. Забарин. Москва : Юрайт, 2022. С. 17–44.
10. Кабанов Н.А. Криминологическая характеристика и предупреждение массовых беспорядков : диссертация кандидата юридических наук / Н.А. Кабанов. Москва, 2020. 281 с.
11. Кудашкин С.К. Групповое хулиганство и массовые беспорядки: уголовно-правовая характеристика и проблемы квалификации : автореферат диссертации кандидата юридических наук / С.К. Кудашкин. Москва, 2020. 27 с.
12. Кулев А.Г. Вооруженный мятеж: вопросы совершенствования состава / А.Г. Кулев, Л.О. Кулева // Актуальные проблемы уголовного права на современном этапе (вопросы дифференциации ответственности и законодательной техники). 2021. № 10. С. 18–27.
13. Кумышева М.К. К вопросу о массовости в уголовно-правовой характеристике массовых беспорядков / М.К. Кумышева // Пробелы в российском законодательстве. 2018. № 3. С. 79–81.
14. Соловьев А. Массовые беспорядки: организация, участие, призывы к неподчинению / А. Соловьев // Российская юстиция. 2000. № 7. С. 47–48.
15. Халилев Р.А. Уголовно-правовая характеристика массовых беспорядков / Р.А. Халилев // Проблемы правоохранительной деятельности. 2007. № 2. С. 42–49.

References

1. Kaminski, M.E. Incitement to riot in the age of flash mobs / M.E. Kaminski // University of Cincinnati Law Review. 2012. Vol. 81. Iss. 1. P. 1–84.

«Цифровое» и «электронное» доказательство — pro et contra: проблемы терминологии

Полицан Денис Александрович,

главный специалист-эксперт отдела цифровизации государственных услуг
Департамента развития инфраструктуры электронного правительства
Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникации
Российской Федерации,
магистрант Института кибербезопасности и цифровых технологий
Российского технологического университета (РТУ МИРЭА)
DeniroAzazil@yandex.ru

В статье подвергнута междисциплинарному анализу проблема идентификации цифровых и электронных доказательств, концепции разграничения, классификации цифровых и электронных доказательств, а также проблема встраивания электронных и цифровых материалов в систему доказательств в уголовном судопроизводстве, сложившаяся практика квалификации исследуемых феноменов как документов и вещественных доказательств. Предлагается авторский подход к определению правовой природы цифровых и электронных доказательств, критерий их разграничения с учетом сложившейся в уголовно-процессуальной доктрине коллизионности в определении свойства допустимости доказательств, сложности интерпретации критерия и свойств допустимости, соотношения свойств допустимости и достоверности. Значительное внимание автор уделяет проблемам междисциплинарной оценки сущности электронных и цифровых доказательств, степени корреляции специфики носителя и сведений как содержания доказательства.

Ключевые слова: электронное доказательство, цифровое доказательство, классификации электронных доказательств, электронное цифровое доказательство, электронное аналоговое доказательство, электронное квантовое доказательство.

“Digital” and “Electronic” Evidence — Pro et Contra: Problems of Terminology

Denis A. Politsan

Chief Expert Specialist of the Section of Digitalization of State Services
of the Department of Development of Electronic Government Infrastructure
of the Ministry of Digital Development, Communications and Mass Media
of the Russian Federation
Graduate Student of the Institute of Cybersecurity and Digital Technologies
of the Russian Technological University (MIREA)

The article presents an interdisciplinary analysis of the problem of identification of digital and electronic evidence, the concept of differentiation, classification of digital and electronic evidence, as well as the problem of embedding electronic and digital materials into the evidence system in criminal proceedings, the established practice of qualifying the phenomena studied as documents and physical evidence. The author's approach to the definition of the legal nature of digital and electronic evidence, the criterion of their differentiation, taking into account the conflict of laws established in the criminal procedure doctrine in determining the property of admissibility of evidence, the complexity of interpretation of the criterion and the properties of admissibility, the ratio of the properties of admissibility and reliability, is proposed. The author pays considerable attention to the problems of interdisciplinary assessment of the essence of electronic and digital evidence, the degree of correlation of the specifics of the carrier and information as the content of evidence.

Keywords: electronic proof, digital proof, classifications of electronic evidence, electronic digital proof, electronic analog proof, electronic quantum proof.

Традиционная коллизионность категории «допустимость доказательств» в уголовно-процессуальной доктрине осложняется на текущий момент не-

определенностью понятий «цифровое доказательство» и «электронное доказательство». При всей неизбежности и желательности цифровизации правовых

феноменов крайне проблематичным остается разрешение задачи четкости понятий в учении о доказательствах, их свойствах, новеллизации правового регулирования процесса получения.

Исходя из традиционного приоритета теории единого понимания доказательства, сведения, претендующие на процессуальный статус средства доказывания, понимаются в единстве формы и содержания. Требования к процессу их получения, источнику, собственно подход законодателя к поименованию средств доказывания в ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ), предполагающий толкование перечня средств доказывания как закрытого, не подлежащего расширительному толкованию, детерминируют необходимость исключения сомнений в признаках, определяющих формальную составляющую доказательств. Безусловно, процесс получения сведений не должен сопровождаться нарушениями, вызывающими сомнения в допустимости. Но вместе с тем неопределенным в практике применения УПК РФ остается целый ряд вопросов. Все чаще в материалах уголовных дел элемент доказательственной базы составляют электронные устройства, их содержимое и цифровые объекты. Как квалифицировать правовую природу таких доказательств? Какие требования к процессу их получения определяют допустимость? И прежде всего разрешения требует проблема существования в уголовно-процессуальной среде двух терминов: «цифровое» и «электронное» доказательство при отсутствии единого подхода к пониманию правовой природы, конструктивных признаков, критерия разграничения этих понятий. Ни в основных, ни в субсидиарных источниках нет легального определения цифрового или электронного доказательства, как не сложилось единого подхода к их определению и разграничению в процессуальной доктрине. Между тем частота использования этих средств доказывания неизбежно возрастает вслед за тенденцией цифровизации общества.

Анализ доктринальных подходов к терминологическому определению категорий «электронное» и «цифровое» доказательство

Первичной проблемой представляется дилемма квалификации указанных феноменов, неопределенность их природы, порождающая разновекторные перспективы формирования правоприменительной практики. В процессуальной доктрине сложилось два подхода: отнесение к одному из поименованных в УПК РФ средств доказывания (документ, вещественное доказательство) или же моделирование предложений о дополнении перечня средств доказывания принципиально новым.

Уголовно-процессуальное законодательство с 27 декабря 2018 г. нормой ст. 164.1 определяет специфику изъятия электронных носителей информации и копирования с них информации при производстве следственных действий, в том числе устанавливает обстоятельства, при которых допустимо изъятие информации следователем в ходе производства следственного действия, и обстоятельства, при которых допустимым доказательством признается лишь сформированное при изъятии электронного носителя информации только специалистом. Однако само по себе отсутствие ясного и определенного подхода к пониманию природы этих феноменов является первичной проблемой. Сложности квалификации обуславливаются и необходимостью междисциплинарного, как представляется, подхода к определению этого вида доказательств в правовой среде. Многие исследователи, предлагая свою классификацию доказательств, представляемых в суд при помощи электронных устройств (чаще всего устройств вычислительной техники), фактически ставят знак равенства между терминами «цифровое» и «электронное» доказательство, что делает предлагаемые ими системы не вполне соответствующими объективной действительности.

Так, Ю.В. Шелегов и В.Г. Шелегов отождествляют понятия «электронное» и «цифровое» доказательство, относят их

к категории «электронные документы», которые квалифицируются как «вещественные доказательства и как иные документы (в случае если текстовые электронные документы содержат реквизиты)»¹, предлагая достаточно широкую классификацию электронных документов. Определяя правовую природу электронных (цифровых) доказательств, авторы апеллируют к Федеральному закону «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: документированная информация, представленная в электронной форме, т.е. в виде, пригодном для восприятия человеком с использованием электронных вычислительных машин, а также для передачи по информационно-телекоммуникационным сетям или обработки в информационных системах.

Аналогичный подход (отождествление понятий «электронное доказательство» и «цифровое доказательство») использует М.И. Воронин². Смещение терминов свойственно авторской позиции В.Н. Чернышова, Е.С. Лоскутовой: «... одним из требований, предъявляемых к электронным доказательствам, является то, что цифровые носители информации, скопированные или полученные с других носителей в ходе производства следственных действий, должны быть приложены к протоколу соответствующего следственного действия, о чем в нем делается запись»³. Подобная доктринальная позиция вызывает возражения. Например, сведения, содержащиеся на кассете или магнитофонной бобине, могут быть представлены в суд в качестве доказательства, притом с наибольшей вероятностью при помощи средств электронной техники, однако данные носители нельзя назвать цифровыми, поскольку они не содержат цифровой записи.

Как последовательно сменяющие друг друга понятия рассматривают электронные и цифровые доказательства В.А. Новицкий, Л.Ю. Новицкая⁴. Довольно показательно определяют авторы цифровое доказательство как нетрадиционное, справедливо отмечая: «как любое другое судебное доказательство, цифровое ... имеет процессуальную форму (цифровой носитель) и содержание (саму информацию, сведения о факте), подобно письменным документам, в которых бумага (вещь) содержит доказательственную информацию как текст и поэтому относится к письменным, а не вещественным доказательствам», но, определяя цифровое судебное доказательство как «... сведения о фактах в виде цифрового файла, сохраненного на цифровом носителе, локальной сети или Интернет»⁵, представляется, авторы допускают все ту же погрешность: не учитывают междисциплинарный характер объекта исследования, игнорируют специфику его цифровой природы.

Ряд авторов разграничивает указанные понятия цифрового и электронного доказательства, но делают это без учета специфики природы цифрового феномена. Так, С.В. Калитин, считая недопустимым смешение понятий, пишет: «... возникшая ... путаница в использовании терминов электронный и цифровой привела не только к их взаимозамещающему употреблению, но и к неправильному литературному переводу... Цифровой сигнал не может деградировать под действием кислорода или солнечного (ультрафиолетового) света как его носитель, например, органическая пластмасса на оптическом диске. Цифровые доказательства не меняются. Меняется состояние носителя»⁶, «электронная часть доказательств связана только с электронными приборами или сокращенно электрони-

¹ Шелегов Ю.В., Шелегов В.Г. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 65.

² Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (129). С. 118–128.

³ Чернышов В.Н., Лоскутова Е.С. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 200.

⁴ Новицкий В.А., Новицкая Л.Ю. Понятие и виды цифровых доказательств // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–220.

⁵ Там же. С. 217.

⁶ Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 3586–3590. URL: <http://e-koncept.ru/2014/54981.htm>

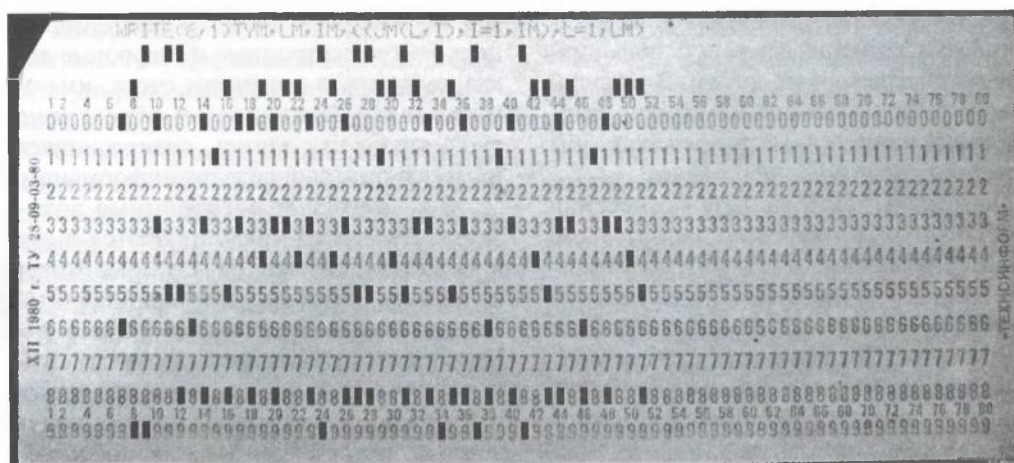

Рисунок 1. Перфокарта

кой, техникой, использующей для работы электроны, а именно электричество»⁷. Следует отметить, что в действительности двоичная запись в памяти компьютера содержится в виде значительного количества битов, в составе которых присутствуют конденсаторы, заряд на которых в свою очередь соответствует значению «1» или «0». Таким образом, цифровая запись часто выполняется при помощи электротехники и содержится в виде электрических зарядов, ввиду чего разделить, к примеру, дампы оперативной памяти на «электронную» и «цифровую» часть так, как следует из логики рассуждения С.В. Калитина, не представляется возможным. Вместе с тем подавляющее большинство носителей информации, записанной в цифровом виде, являются электронными устройствами, состояние которых напрямую влияет на такие свойства информации как ее доступность и целостность.

Н.В. Олиндер отрицает целесообразность использования термина «электронное доказательство», как неопределенное понятие («...ни информация, ни доказательства не могут быть электронными, так как этим термином пытаются показать форму такой информации», а она является цифровой...»), считая универсальным понятие «цифровое доказательство», полагая, что единицей измерения цифровой информации «... является binary digit

(двоичная цифра) — бит, т.е. физическое состояние носителя информации: намагниченный сегмент, ненамагниченный...»⁸.

Между тем в профессиональной среде в сфере информационных технологий под цифровым объектом принято понимать объект, записанный в виде структурированной последовательности битов. Иными словами, основной отличительной чертой цифрового объекта является его форма записи. Он существует только как запись структурированной последовательности битов.

Вместе с тем данная форма записи может существовать отдельно от устройств вычислительной техники. Легко можно представить себе ситуацию, когда в суд может быть представлен цифровой объект на бумажном носителе. Самым простым, и вместе с тем устаревшим, видом такого не электронного представления можно считать обыкновенную запись на перфокарту, аналогичную представленной на рисунке 1.

Более того, существуют и не цифровые, в том числе перспективные, способы хранения, обработки и представления информации. Иными словами, не каждый электронный объект является цифровым. Яркими примерами могут служить как считающиеся устаревшими аналоговые

⁷ Там же.

⁸ Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Том 3. № 3. С. 108.

приборы, а также перспективные средства обработки, хранения и передачи информации не транзисторной логики. В текущий момент активно развивается отрасль квантовых вычислений, а вместе с ней и способы хранения квантовой информации⁹.

Известны также попытки отнесения электронных и цифровых доказательств к уже определенным в законе категориям. Широко распространено в судебной практике и научной сфере отнесение электронных доказательств к вещественным или категории иных доказательств, однако существует ряд проблем, не позволяющих отнести их к какой-либо категории однозначно вне зависимости от контекста их упоминания в процессе.

1. Вещественными доказательствами норма ст. 81 УПК РФ признает любые предметы:

1) которые служили орудиями, оборудованием или иными средствами совершения преступления или сохранили на себе следы преступления;

2) на которые были направлены преступные действия;

2.1) деньги, ценности и иное имущество, полученные в результате совершения преступления;

3) иные предметы и документы, которые могут служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Электронные, и в частности цифровые, доказательства могут быть носителями следов преступления, могут быть объектом, на который были направлены действия, могут выступать как ценное имущество, могут быть документальными подтверждениями или записями, пригодными служить средствами для обнаружения преступления и установления обстоятельств уголовного дела.

Таким образом, можно заключить, что электронные доказательства и цифровые, как частный случай, могут соответствовать требованиям, предъявляемым УПК.

⁹ Toward a Quantum Memory in a Fiber Cavity Controlled by Intracavity Frequency Translation [Текст] / Philip J. Bustard, Kent Bonsma-Fisher, Cyril Hnatovsky, Dan Grobncic, Stephen J. Mihailov, Duncan England, Benjamin J. Sussman // Physical Review Letters 128, 120501 (2022).

Для чего не усматривается препятствий, поскольку электронные и цифровые доказательства, в конечном счете, имеют материальную природу и объективно существуют как запись, содержащаяся на электронных носителях информации.

В то же время электронные доказательства часто представляются в суд в качестве документов, которые могут содержать сведения, зафиксированные как в письменном, так и в ином виде. К ним могут относиться: материалы фото- и киносъемки, аудио- и видеозаписи и иные носители информации, полученные, истребованные или представленные в порядке, установленном ст. 86 УПК РФ, что дает все основания относить электронные доказательства к категории «иные документы», определенной в норме ст. 84 УПК РФ.

Однако встречаются случаи, когда ценность, в контексте уголовно-процессуальных задач, электронные материалы могут иметь в качестве электронного аналога бумажного документа либо как некоторая запись, физически находящаяся вне досягаемости следственных органов или в неустановленном месте, однако факт ее наличия, а также некоторые характеристики достоверно известны и проверяемы при помощи средств вычислительной техники и связи. В этом случае возникает неопределенность в части отнесения электронных материалов к тому или иному виду доказательств, что делает актуальным вопрос о классификации материалов, представляемых в суде с применением приборов и средств вычислительной техники.

Критерий разграничения «электронных» и «цифровых» доказательств

С целью разработки нормативно-правовых актов, а также их унификации, определения единообразного терминологического подхода предлагается следующее определение электронного и цифрового доказательств:

Электронное доказательство — это доказательство, представляемое в суд при помощи приборов, электронных вычислительных машин и средств связи.

Цифровое доказательство — это доказательство, представляющее запись в виде упорядоченной и структурированной последовательности битов.

С точки зрения назначения и проведения экспертиз в интересах следствия или по распоряжению суда целесообразно разделить электронные доказательства по направлениям техники, к которым они относятся. Предлагается следующая классификация электронных доказательств по видам техники, к которым они имеют отношение:

1. Электронные цифровые доказательства.
2. Электронные аналоговые доказательства.
3. Электронные доказательства, предоставляемые посредством устройств квантового вычисления.

Наиболее востребованными на сегодняшний момент следует полагать электронные цифровые доказательства, поскольку абсолютное большинство устройств техники на настоящий момент являются цифровыми, однако не стоит упускать и считающиеся устаревшими аналоговые устройства, поскольку это может привести к пробелу в правовой регламентации и может быть использовано злоумышленниками с целью избежания ответственности.

Отдельно следует отметить электронные квантовые доказательства в предложенной классификации. Они вынесены в отдельный пункт по причине кардинально отличных принципов устройства и функционирования техники, построенной для квантовых вычислений. Как следствие, для работы с такой техникой необходимы специфические знания, специалисты, обладающие особыми профессиональными компетенциями.

С точки зрения работы непосредственно с доказательствами в процессе расследования необходимо определить ответственных за эту работу лиц. Отсюда приобретает актуальность вопрос о том, кто обладает достаточными компетенциями для работы с разными видами доказательств, чтобы суд мог счесть их допустимыми, а также проверить их

достоверность. Для этих целей предлагается следующая классификация цифровых доказательств по сложности их обработки:

1. Электронные доказательства 1 категории сложности обработки.
2. Электронные доказательства 2 категории сложности обработки.
3. Электронные доказательства 3 категории сложности обработки.
4. Особо сложные в обработке электронные доказательства.

К электронным доказательствам 1 категории сложности обработки предлагается относить электронные доказательства, не требующие специальных знаний и(или) навыков для обработки и представления в суде. Это могут быть материалы переписки, обычные электронные документы и материалы, не содержащие скрытых или сложно читаемых сведений. С работой с ними может справиться обыватель, а потому для работы с ними достаточно компетенции следователя.

К электронным доказательствам 2 категории сложности обработки предлагается относить доказательства, для работы с которыми необходимы специальные знания и (или) навыки в соответствующей области техники и технологии. Примером таких доказательств могут быть записи логирования операционной системы компьютера или дампов данных сетевого трафика, части программного кода, написанного на распространенных языках программирования.

К электронным доказательствам 3 категории сложности обработки предлагается относить доказательства, для работы с которыми необходимы глубокие специальные знания и (или) навыки высококвалифицированных специалистов с глубокими познаниями и опытом работы в соответствующей области техники и технологии. Примерами таких доказательств могут быть данные, защищенные средствами стеганографии, криптографии или иными средствами защиты информации, а также данные, намеренно скрытые среди массы сторонних материалов или с использованием особых аппаратных

Рисунок 2. Взаимосвязь цифровых и электронных объектов

средств или части программного кода, написанного на нераспространенных языках программирования.

Предполагается, что особо сложные в обработке электронные доказательства могут возникать в процессах, в которых фигурируют средства специальной и шпионской техники, а также специфичные виды техники, не распространенные в быту. Для их обработки и представления в суд необходим труд высококлассных специалистов, обладающих специальными навыками, знаниями и опытом работы в соответствующей области техники и технологии.

Литература

1. Воронин М.И. Особенности оценки электронных (цифровых) доказательств / М.И. Воронин // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 8 (129). С. 118–128.
2. Воронин М.И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? / М.И. Воронин // Lex russica (Русский закон). 2019. № 7 (152). С. 74–84.
3. Калитин С.В. Доказательства электронные и цифровые / С.В. Калитин // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2014. Т. 20. С. 3586–3590.
4. Новицкий В.А. Понятие и виды цифровых доказательств / В.А. Новицкий, Л.Ю. Новицкая // Ленинградский юридический журнал. 2019. № 1 (55). С. 213–220.
5. Олиндер Н.В. К вопросу о доказательствах, содержащих цифровую информацию / Н.В. Олиндер // Юридический вестник Самарского университета. 2017. Т. 3. № 3. С. 107–110.
6. Чернышов В.Н. Проблемы собирания и использования цифровых доказательств / В.Н. Чернышов, Е.С. Лоскутова // Социально-экономические явления и процессы. 2017. Т. 12. № 5. С. 199–203.
7. Шелегов Ю.В. К вопросу о классификации электронных (цифровых) доказательств / Ю.В. Шелегов, В.Г. Шелегов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2019. № 2 (10). С. 63–68.

References

1. Bustard, P.J. Toward a Quantum Memory in a Fiber Cavity Controlled by Intracavity Frequency Translation / P.J. Bustard, K. Bonsma-Fisher, C. Hnatovsky [et al.] // Physical Review Letters. 2022. Vol. 128. P. 120501.

Подводя итог, текущую ситуацию во взаимосвязи электронных и цифровых доказательств можно условно, но наглядно обозначить графически при помощи кругов Эйлера, так, как это показано на рисунке 2.

На текущий момент отставание правовой регламентации статуса электронных и цифровых доказательств, неопределенность их правовой природы делает необходимым систематизацию и закрепление в нормативно-правовых актах терминологии и классификации цифровых доказательств.

Значительное количество вопросов в области правовой регламентации природы и процедуры применения информационных технологий и объектов, созданных с их применением, актуализирует вопрос о разработке комплекса общих и специальных норм права, призванных урегулировать обозначенные проблемы, для чего целесообразным видится привлечение специалистов в области информационных технологий и применение их методов для решения отдельных задач, возникающих в процессе правового регулирования вопросов, в том числе касающихся сферы их профессиональной деятельности.

Обжалование как институт российского права

Шеншин Виктор Михайлович,

доцент кафедры теории и истории государства и права
Санкт-Петербургского университета Государственной противопожарной службы МЧС России,
член Национальной ассоциации административистов,
кандидат юридических наук, доцент
vitya-shen@mail.ru

В представленной статье выявляются недостатки порядка обжалования, к которым автор относит: правовую неопределенность порядка подачи гражданином обращения в электронной форме; отсутствие регламентации единого порядка организации и проведения личного приема граждан; отсутствие единообразного подхода к определению процессуального статуса участвующих в деле лиц в рамках рассмотрения дел по оспариванию ненормативных правовых актов, решений и действий (бездействия) органов и должностных лиц; отсутствие концептуального определения содержания института досудебного обжалования.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), досудебное обжалование, жалоба, контрольно-надзорные органы, обращение.

Appeal as a Russian Law Institute

Viktor M. Shenshin

Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law
of the Saint-Petersburg University of State Fire Service of EMERCOM of Russia
Member of the National Association of Administrative Law Scientists
PhD (Law), Associate Professor

The article reveals the shortcomings of the appeal procedure, to which the author refers: the legal uncertainty of the procedure for filing an appeal by a citizen in electronic form; the lack of regulation of a single procedure for organizing and conducting a personal reception of citizens; the lack of a uniform approach to determining the procedural status of persons involved in the case within the framework of cases challenging non-normative legal acts, decisions and actions (inaction) bodies and officials; lack of a conceptual definition of the content of the institute of pre-trial appeal.

Keywords: state control (supervision), pre-trial appeal, complaint, control and Supervisory authorities, appeal.

Современные государства, объявляя себя правовыми и демократическими, берут на себя обязательство во всей своей деятельности подчиняться праву и главной своей целью считают обеспечение прав и свобод человека, возлагая тем самым на себя функцию их защиты, и последние, в свою очередь, признаны высшей ценностью. Российская Федерация признает и гарантирует нерушимость этих прав и свобод. Действующая Конституция Российской Федерации, закрепив данное положение в ст. 2, обязала государство признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина (ст. 18).

Важнейшим составляющим правового и демократического государства является закрепление на законодательном уровне права на обжалование незаконных действий и неправомερных решений органов и их должностных лиц.

Названное важнейшее конституционное право, ценностный принцип демокра-

тического государства, легло в основу ряда нормативно-правовых актов, получивших свое закрепление в современном российском праве.

Проблема изживания злоупотреблений полномочиями должностными лицами, которые выступают от имени государства, является крайне актуальной и важной. Одной из эффективных мер по борьбе с неправомерной деятельностью можно считать механизм обжалования действий (бездействия) и решений государственных органов.

Жалоба употребляется для выражения недовольства чем-либо на бытовом уровне; придает элемент формальности, публичности, что по своей правовой природе намного ближе к современному пониманию института обжалования и самой жалобы.

Определение жалобы получило свое легальное закрепление в Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» от 2 мая

2006 г. № 59-ФЗ¹. Так, в соответствии с п. 4 ст. 4 названного Закона под жалобой следует понимать просьбу гражданина о восстановлении или защите его нарушенных прав, свобод или законных интересов либо прав, свобод или законных интересов других лиц.

Исходя из определения понятия «жалоба» можно трактовать обжалование как процедуру подачи жалобы лицом, чьи субъективные права и законные интересы действительно нарушены либо предполагается их нарушение вследствие неправомерных действий (бездействия), решения представителей власти.

Обращения граждан с жалобами действительно выступают как способ усиления связей государства с населением, публичным аппаратом и людьми, на благо которых он призван работать, а также как кладезь сведений, надобных для разрешения вопросов общественной жизни. По мере регистрации обращений граждан, их рассмотрения и разрешения они могут быть использованы госорганами в целях выявления тех проблем, которые действительно волнуют народ.

Внесудебная форма оспаривания решений и действий представителей власти является одним из инструментов разрешения административно-правовых споров и относится к сфере публичных интересов общества. Данный порядок обладает большим правозащитным потенциалом.

Наряду с административным порядком рассмотрения жалоб, как указывалось выше, существует порядок оспаривания посредством обращения в судебные органы.

Судебная форма обжалования реализуется путем непосредственного обращения в суд с жалобой на действия (бездействие) и решения органов и их должностных лиц.

Общими признаками, присущими как досудебной, так и судебной форме обжалования, являются: 1) предполагаемое или имеющее место нарушение (ограничение) прав, свобод и законных интересов лица, не наделенного властными полномочиями; 2) вероятное нарушение законности в сфере государственного управления; 3) наличие административно-правового

спора между тем, кто обратился с жалобой, и субъектом, чьи действия или решения оспариваются; 4) разрешение административно-правового спора властным субъектом (либо органом, должностным лицом, либо судом); 5) особый инструмент защиты права в виде жалобы.

Следует подчеркнуть, что в суде инициатор жалобы является не просителем, а истцом, т.е. выступает в качестве равной стороны, и при этом непосредственно и лично (хотя действующее законодательство допускает возможность защищать свои права через представителей). Иными словами, неравенство в материальном отношении трансформируется в равенство в процессуальном плане. Обязанностью принявшего определенное решение субъекта власти является растолкование суду и гражданину мотивов, причин вынесения обжалуемого акта. Помимо этого, в суде представитель власти подвергается оценивающему воздействию со стороны суда, заявителя и иных участников процесса. Вследствие этого зачастую уже в стадии предварительной подготовки дела к судебному слушанию должностные лица нередко пересматривают свои акты, а нарушения, которые были допущены ими, ликвидируют, не доводя, таким образом, дело до судебного разбирательства. С одной стороны, данный фактор является крайне позитивным моментом для заявителя, волнующий его вопрос все-таки решается, но вместе с тем в данной ситуации складывается такое представление о представителях власти, что без вмешательства органа, осуществляющего правосудие, свои прямые обязанности по своевременному и качественному рассмотрению волеизъявлений граждан они не выполняют.

Также следует выделить особенные черты, присущие судебной форме обжалования. Так, когда лицо обращается непосредственно в суд, оно, по большей части, преследует цель защитить собственный интерес. Вместе с тем судебным решением, например, о признании недействующим нормативного правового акта, объективно ставятся под охрану интересы всех возможных адресатов оспоренного акта, т.е. неопределенного круга лиц, иными словами, общественный интерес. Последний, в свою очередь, выступает ценностью, базирующейся на интересах отдельных членов общества и их групп и

¹ Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс».

одновременно не являющейся простой совокупностью интересов, направленных на достижение общих благ².

Как справедливо отметил А.Ф. Ноздрачев, обращения, инициируемые гражданами, отражают мнение широких слоев населения, показывают, что граждане неотступно испытывают необходимость в озвучивании своей потребности или своей точки зрения³.

О.В. Гречкина обращает внимание на число обращений в Европейский суд по правам человека гражданами Российской Федерации, где Россия занимает третье место в мире по количеству жалоб на действия должностных лиц государственных органов⁴. В связи с чем Совет Европы рекомендовал России наладить систему разрешения заявлений в органах государственной власти.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 22 июля 2020 г. № 38-П указал на то, что Конституция Российской Федерации гарантирует каждому право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом (ст. 45, ч. 2). Данные конституционные нормы требуют, чтобы гражданин рассматривался не как объект государственной деятельности, а как равноправный субъект, могущий защищать свои права всеми не запрещенными законом способами и спорить с государством в лице любых его органов; предполагают не только право подать в соответствующий государственный орган или должностному лицу заявление, ходатайство или жалобу, но и право получить на это обращение адекватный ответ.

Право граждан на обращение, предусмотренное ст. 33 Конституции России, позволяет им высказаться относительно

деятельности публичной власти, выразить свои потребности в эффективном устройстве государственной и общественной жизни⁵.

В министерствах и ведомствах разработаны инструкции, предписывающие порядок работы с обращениями граждан, в целях установления единого порядка их рассмотрения и разрешения⁶.

Качественная и эффективная работа с обращениями является важным инструментом получения информации о нарушениях закона, благодаря которому имеется возможность наиболее объективно оценить состояние законности, степень удовлетворенности людей своей жизнью и деятельностью органов публичной власти, снять социальный накал, беспокойность.

Специфической чертой судебного порядка обжалования выступает то обстоятельство, что процедура обжалования актов государственных органов и их должностных лиц представляет собой определенный порядок по проверке судами решений, другими словами, проверочную судебную деятельность⁷.

Научное обоснование современной системы обжалования в административном порядке, которая отвечала бы стандартам демократического правового государства, является одним из актуальных вопросов отечественной административно-правовой науки⁸.

Полнота и всесторонность проверки обращений выступает весьма важным принципом реализации конституционного права, предполагающим рассмотрение и разрешение по существу всех вопросов,

² Смагина Е.С. Защита государством общественных интересов в гражданском судопроизводстве // Российский судья. 2018. № 5. С. 11–16.

³ Ноздрачев А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 17.

⁴ Гречкина О.В. Особенности досудебного порядка обжалования решений, действий (бездействий) таможенных органов и их должностных лиц // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2009. № 2. С. 228–234.

⁵ Постановление Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан РФ» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области» // СПС «Консультант-Плюс».

⁶ См., например: Приказ Генпрокуратуры России от 30 января 2013 г. № 45 (ред. от 28.09.2021) «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // Законность. 2013. № 4.

⁷ Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта. М.: Норма, 2018. С. 7.

⁸ Зеленцов А.Б. Институт обращения к органу — автору акта: необходимость возрождения (возвращаясь к проблеме) // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 30–38.

поставленных заявителем в его волеизъявлении.

Внесудебная форма обжалования будет эффективно действовать и оперативно защищать (восстанавливать) нарушенные права исключительно в том случае, если она будет открытой, доступной, простой для понимания гражданами, многие из которых не являются «юридически подкованными» и зачастую, к сожалению, неграмотны в сфере юриспруденции, обладают низкой правовой культурой.

Вместе с тем процесс систематизации правового регулирования досудебных процедур обжалования затруднен отсутствием концептуального определения содержания института административной формы оспаривания. Согласно анализу правовых норм, касающихся процедуры внесудебного обжалования, законодателем применяются различные подходы при определении круга гарантий, которые предоставляются авторам жалоб. Это, безусловно, связано с многообразием законодательных (как на федеральном, так и региональном уровне) и ведомственных актов, регламентирующих внесудебный порядок обжалования, в то время как единого федерального закона о досудебной форме оспаривания не имеется. Разрозненность, разбросанность правовых актов является барьером, не позволяющим заявителям упрощенно реализовывать свое право на обращение с жалобами.

Следующими недостатками административного порядка обжалования являются возможность немотивированного отказа в удовлетворении жалоб, а также то обстоятельство, что они исследуются заинтересованными служащими, скрытно, конфиденциально, без участия автора волеизъявления, зачастую лицами, у которых нет должной правовой подготовки, опыта и знаний.

Кроме того, при составлении жалобы в письменном виде могут быть упущены некоторые немаловажные обстоятельства или документы, которые значительно повлияют на принятие решения. Помимо этого, в процессе диалога автора жалобы с должностным лицом могут вскрыться дополнительные обстоятельства, которые способны оказать влияние на итоговое решение. Участие гражданина может прояснить неопределенность в отдельных обстоятельствах, связанных с жалобой,

что будет способствовать принятию объективного решения.

И, конечно же, личное участие заявителя в исследовании его жалобы позволяет ему участвовать в изучении документов и иных материалов, касающихся его вопроса. Довольно сомнительно, что заочное рассмотрение жалобы во всех случаях позволит гражданину быть уверенным в том, что адресат обращения полно и всесторонне исследовал все необходимые обстоятельства. В то же время, участвуя в рассмотрении жалобы, гражданин может иметь возможность лично убедиться в том, что все доводы и материалы, представленные им, подверглись объективной оценке и всестороннему, беспристрастному анализу.

Акцентируем внимание на том, что присутствие в ходе рассмотрения жалобы позволит ее адресанту вступить в прямую дискуссию с должностным лицом, вследствие чего исследование обращения превратится из формальной процедуры в способ активного отстаивания гражданами своих прав и свобод.

Досудебную форму обжалования действий и решений органов исполнительной власти трудно назвать эффективной, тем более если речь идет о привлечении к ответственности виновных должностных лиц.

Актуальность проблемы данного вида оспаривания связана в первую очередь с необходимостью интенсификации гарантий защиты прав и свобод заявителей (причем именно на законодательном уровне, а не на уровне административных регламентов, инструкций и т.п.). Базирующееся на принципах науки осмысление сущности института досудебного обжалования нуждается в определении его содержания именно в конкретном федеральном законе. Новый нормативный правовой акт унифицировал бы порядок реализации гражданами права на обращение с дальнейшей конкретизацией в нормах подзаконных актов определенных ведомств. Так, систематизация законодательства о досудебном оспаривании и приведение к единообразию основных требований к форме и содержанию жалоб могли бы выступать как способ упрощения процедуры административного обжалования.

Также в этом едином федеральном законе необходимо закрепить безусловное право граждан на рассмотрение их жалоб в очной форме, в результате чего заявителями

смогут реализовать свое право быть выслушанным. Осуществление этого права должно предусматривать обязательное изложение в жалобе требования адресанта о предоставлении возможности участвовать в рассмотрении его волеизъявления. Отказ в удовлетворении такого требования может иметь место лишь при условии невозможности очного рассмотрения или исследования жалобы посредством видео-конференц-связи (что должно быть обосновано в самом решении). В качестве примеров такой невозможности могут выступать достаточная географическая удаленность (вплоть до разных населенных пунктов) адресанта жалобы и госоргана, ее рассматривающего; отсутствие технической возможности проведения видео-конференц-связи; ограничение возможности лично посещать учреждение ввиду ухудшения эпидемиологической ситуации в стране и т.п. Вместе с тем перечень случаев, когда гражданину может быть отказано в личном участии при рассмотрении его жалобы, должен быть закрытым в целях исключения необоснованного отказа со стороны представителей власти.

Обратим внимание на недостатки внесудебного обжалования: отсутствие

концептуального определения содержания института административного порядка оспаривания (разрозненность, разбросанность правовых норм является препятствием, блокирующим упрощенную реализацию гражданами права на обращение); возможность немотивированного отказа в удовлетворении жалоб; рассмотрение и разрешение волеизъявлений лиц заинтересованными представителями власти; осуществление данной деятельности негласно, в отсутствие заявителя, зачастую лицами, не имеющими должной правовой подготовки.

Для решения указанных проблем предлагаем обязать государство в лице уполномоченных адресатов принимать любые обращения граждан, а вот обязательность их рассмотрения будет зависеть от соблюдения их процессуальной формы и содержания; обоснована необходимость в систематизации законодательства о досудебном оспаривании и унификации основных требований к форме и содержанию жалоб, что могло бы выступать как способ упрощения процедуры административного обжалования; необходимость закрепления права гражданина участвовать при рассмотрении и разрешении его вопроса.

Литература

1. Гречкина О.В. Особенности досудебного порядка обжалования решений, действий (бездействий) таможенных органов и их должностных лиц / О.В. Гречкина // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 2 (7). С. 228–234.
2. Зеленцов А.Б. Институт обращения к органу — автору акта: необходимость возрождения (возвращаясь к проблеме) / А.Б. Зеленцов // Административное право и процесс. 2019. № 10. С. 30–38.
3. Зырянов С.М. Соотношение досудебного и судебного обжалования решений и действий (бездействия) органов власти и их должностных лиц при осуществлении ими государственных функций по контролю (надзору) / С.М. Зырянов // Государственная служба и кадры. 2014. № 4. С. 69–76.
4. Леонов Д.В. Административно-правовой институт досудебного обжалования : диссертация кандидата юридических наук / Д.В. Леонова. Москва, 2020. 166 с.
5. Ноздрачев А.Ф. К 25-летию Конституции Российской Федерации. Гражданин и исполнительная власть: конституционные основы взаимоотношений / А.Ф. Ноздрачев // Административное право и процесс. 2018. № 12. С. 21–30.
6. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. Москва : ИНФОРТЕХ, 2009. 938 с.
7. Попов Л.Л. Административное право Российской Федерации : учебник / Л.Л. Попов, Ю.И. Мигачев. 2-е изд., перераб. и доп. Москва : РГ-Пресс, 2019.
8. Смагина Е.С. Защита государством общественных интересов в гражданском судопроизводстве / Е.С. Смагина // Российский судья. 2018. № 5. С. 11–16.
9. Тарибо Е.В. Судебный конституционный нормоконтроль: осмысление российского опыта : монография / Е.В. Тарибо. Москва : Норма, 2018. 255 с.
10. Фирсова Т.А. Прокурорская деятельность по обеспечению права на обращение / Т.А. Фирсова, А.А. Фирсова // Законность. 2015. № 3 (965). С. 27–30.

Субъекты и объекты конституционных экологических прав как элементы экологических правоотношений

Юн Лариса Владимировна,

доцент кафедры государственно-правовых дисциплин

Казанского филиала Российского государственного университета правосудия,

кандидат юридических наук

yun.lara@yandex.ru

В статье рассматриваются субъекты и объекты конституционных экологических прав как одни из важных элементов экологических правоотношений. Правоотношение, возникающее в сфере экологии, требует индивидуального отношения со стороны субъектов по отношению к объектам экологических правоотношений. Автор останавливает свое внимание на классификации правоотношений и выделяет свои элементы.

Ключевые слова: субъекты и объекты конституционных экологических прав, экологические правоотношения, состав.

Subjects and Objects of Constitutional Environmental Rights as the Elements of Environmental Relations

Larisa V. Yun

Associate Professor of the Department of State and Legal Disciplines

of the Kazan Branch of the Russian State University of Justice

PhD (Law)

The article considers the subjects and objects of constitutional environmental rights as one of the important elements of environmental legal relations. The legal relationship that arises in the field of ecology requires an individual attitude on the part of the subjects in relation to the objects of environmental legal relations. The author focuses his attention on the classification of legal relations and highlights his elements.

Keywords: subjects and objects of constitutional environmental rights, environmental legal relations, composition.

Вопрос, связанный с экологическими правоотношениями, являлся не раз дискуссионным, поскольку всегда возникали и возникают дискуссии о наличии и содержании элементов, входящих в их состав. Традиционно в составе экологических правоотношений ученые выделяют субъекты, объекты и содержание.

К субъектам традиционно относятся органы государственной власти и местного самоуправления России и ее субъектов, физические и юридические лица. Под объектами чаще всего понимаются объекты природного мира (леса, земли, воды, недра, континентальный шельф и т.д.). В качестве содержания экологических правоотношений выделяются права участников правоотношений и правовые

обязанности всех вышеперечисленных субъектов.

Безусловно, следует отметить, что у каждого обозначенного выше субъекта имеется строго очерченный круг прав и обязанностей, и соответственно наступление юридической ответственности также будет разным. Что же касается объектов экологических правоотношений, то здесь следует акцентировать внимание на том, что ряд ученых склоняется к той точке зрения, что в качестве объекта выделяются только природные ресурсы, другие же придерживаются мнения о том, что к объектам также следует относить и действия должностных лиц государственных органов власти и местного самоуправления.

Права и обязанности субъектов экологических правоотношений также могут выступать дискуссионным элементом в ходе обсуждения состава экологических правоотношений. В нормах федерального законодательства могут быть закреплены одни права и обязанности, а на практике они могут варьироваться в зависимости от фактических условий жизнедеятельности общества, потребностей населения, климатических и иных естественных условий природы, иных внешних факторов, оказывающих влияние на использование, применение им своих прав и соблюдение, а также исполнение своих обязанностей. Для более детального изучения обозначенного нами вопроса следует рассмотреть классификацию экологических правоотношений.

По мнению профессоров А.П. Анисимова и А.Я. Рыженкова, экологические правоотношения могут быть дифференцированы по следующим основаниям¹:

1. В зависимости от характера влияния на отношения, складывающиеся в обществе, выделяют направляющие и защитные правоотношения. Направляющие правоотношения представляют собой правоотношения, связанные с экологической экспертизой, установлением нормативов, выдачей лицензий и сертификатов на осуществление профессиональной деятельности и др. Защитные правоотношения появляются на основании охраны прав в сфере экологии участников правоотношений, привлечения к ответственности за противоправные деяния в сфере экологии.

2. Природные правоотношения разграничиваются на абсолютные и относительные в зависимости от степени определенности субъектов. В абсолютных правоотношениях определена только одна сторона, а в относительных правоотношениях стороны уже персонально определены, к примеру, в договоре по экострахованию.

¹ Анисимов А.П., Рыженков А.Я. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Издательство «Юрайт», 2021. С. 38.

На наш взгляд, можно было бы расширить данную классификацию. Так, например, к регулятивным и охранительным можно было бы добавить еще и управомочивающие правоотношения, под которыми следует понимать дачу соответствующих правомочий по содержанию, охране экологических объектов.

К абсолютным и относительным необходимо добавить относительно-определенные и абсолютно-определенные правоотношения. Под относительно-определенными следует понимать правоотношения, где могут возникнуть форс-мажорные обстоятельства, связанные с исполнением договора, а в абсолютно-определенных возможна замена участника правоотношения, связанная с болезнью, переездом на другое место жительства, смертью и иными уважительными причинами, не зависящими от другой стороны. Помимо этого, под абсолютными правоотношениями, на наш взгляд, следует понимать обстоятельства, зависящие от субъекта правоотношения, а относительные — это правоотношения, зависящие не от субъекта правоотношения, а от других внешних факторов (пожар, наводнение, другие природные катаклизмы).

А.И. Мирошниченко расценивает в качестве участников экологических правоотношений личность, государственные органы и коллективные самостоятельные социальные, межнациональные и межгосударственные организации².

Право, являясь общественным и правовым объединяющим элементом социальных отношений, способствует реализации должного поведения индивида в обществе, основывающегося на необходимости соблюдения не только этических норм, но и закрепленных в праве базисных элементов необходимых действий к природным ресурсам³.

² Рыженков А.П., Субъекты и объекты экологических правоотношений // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 102.

³ Пономарев М.В. Человек как субъект и объект экологических правоотношений // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 148.

Профессор М.П. Васильева к участникам экологических правоотношений относит Россию и ее субъектов, муниципалитеты, граждан/иностранцев граждан, коммерческие/некоммерческие предприятия, участвующие в экологических отношениях от имени Российского государства, в пределах своей компетенции, закрепленных в нормативных правовых актах, подчеркивающих правовое положение субъектов экологического права⁴.

К данной классификации также следует добавить беженцев и вынужденных переселенцев. Так как чаще всего эти категории населения вынуждены оставить свои места жительства в случае экологических катастроф, стихийных бедствий, военного или иного чрезвычайного положения.

Лица, являющиеся участниками экологических правоотношений в результате реализации частных/социальных интересов, и коммерческие лица рассматриваются в одной системе субъектов, наделенных общими правами и обязанностями⁵.

⁴ Васильева М.И. Субъекты экологических правоотношений // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 5. С. 3.

⁵ Там же. С. 9.

С данным мнением не вполне можно согласиться, так как у индивидуальных предпринимателей могут быть совершенно иные обязанности и права в отличие от юридических лиц, являющихся более объемными организациями, занимающимися достаточно масштабной хозяйственной деятельностью.

Подводя итог вышеизложенному, считаем необходимым отметить, что разные ученые абсолютно по многоаспектным факторам различают составы экологических правоотношений, включая в них те или иные признаки. Стоит также отметить, что субъекты и объекты экологических правоотношений являются важными компонентами его состава. В противном случае они не смогут возникнуть, если будет не хватать того или иного элемента. Эти два компонента играют важную роль в урегулировании различных споров, возникающих в сфере экологии, так как субъекты наделены соответствующими правами и обязанностями, помогающими в решении правового конфликта, а при помощи объекта экологического правоотношения происходит урегулирование, охрана и защита экологических правоотношений от любых неправомерных действий, совершаемых вследствие экологических правонарушений.

Литература

1. Анисимов А.П. Экологическое право России : учебник и практикум для вузов / А.П. Анисимов, А.Я. Рыженков. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. 422 с.
2. Васильева М.И. Субъекты экологических правоотношений / М.И. Васильева // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2009. № 5. С. 3–27.
3. Пономарев М.В. Человек как субъект и объект экологических правоотношений / М.В. Пономарев // Журнал российского права. 2016. № 1 (229). С. 147–153.
4. Рыженков А.П. Субъекты и объекты экологических правоотношений / А.П. Рыженков // Правовая парадигма. 2020. Т. 19. № 4. С. 100–109.

Центр редакционной подписки:

тел. (495) 617-18-88 — многоканальный
8-800-333-28-04 (по России бесплатно)
адрес электронной почты: podpiska@lawinfo.ru

Открытость и прозрачность информации о судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса

Кiryuschenko Ирина Игоревна,

адвокат, член Адвокатской палаты Краснодарского края,
соискатель Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации
kiryuschenko@yandex.ru

В статье указывается, что доверие общества к судебной власти в правовом государстве обеспечивается соблюдением важнейших принципов организации государственной деятельности — открытости и прозрачности. Однако при формировании судейского корпуса указанные принципы не закреплены ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике. Цель исследования — установить теоретические основы принципов открытости и прозрачности информации при формировании судейского корпуса, а также выявить направления их практической реализации в аспекте формирования судейского корпуса. Методы исследования: диалектический, формально-юридический, сравнительно-правовой и системного анализа. Автором выявлен ряд проблем, связанных с недостаточной открытостью и прозрачностью формирования судейского корпуса. Сделаны выводы, что в целях повышения доверия общества к судебной власти необходимо изменить порядок проведения квалификационного экзамена; систематизировать свободные вакансии и обеспечить их своевременную публикацию; установить в законодательстве перечень обязательных проверок претендентов; утвердить шкалу объективных критериев оценивания кандидатов; ограничить полномочия Комиссии при Президенте Российской Федерации (далее — РФ) по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий; установить критерии ограничения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, от иных поступков, не влекущих досрочное прекращение полномочий судьи; дополнить основания досрочного прекращения полномочий судей.

Ключевые слова: открытость информации, формирование судейского корпуса, принцип прозрачности, отбор кандидатов, доверие общества, квалификационный экзамен.

Openness and Transparent Nature of the Information on Court Activities in Terms of Judiciary Staff Establishment

Irina I. Kiryuschenko

Attorney, Member of the Chamber of Lawyers of the Krasnodar Region
Degree-Seeking Student of the Institute of Legislation and Comparative Law under the
Government of the Russian Federation

The article specifies that public confidence in the judicial power in legal state is ensured by compliance with one of the most important principles of the organization of state activities — disclosure and transparency. However, when forming the judicial case, these principles are not established either in legislation or in law enforcement practice. The purpose of the study is to establish the theoretical foundations of the principles of disclosure and transparency of information in the formation of the judicial case, as well as to identify the directions of their practical implementation in the aspect of the formation of the judicial case. Methods: dialectical, formal-legal, comparative-legal and system analysis. The author has identified a number of problems related to the lack of disclosure and transparency of the formation of the judicial case. It is concluded that in order to increase public confidence in the judicial power, it is necessary to change the procedure for conducting the qualification exam; systematize available vacancies and ensure their timely publication; establish in the legislation a list of mandatory checks of applicants; approve the scale of objective criteria for evaluating candidates; limit the powers of the Commission under the President of the Russian Federation for preliminary consideration issues of the appointment of judges and the termination of their powers; establish criteria for distinguishing an act that defames the honor and dignity of a judge from other acts that do not entail early termination of the powers of a judge; to supplement the grounds for early termination of the powers of judges.

Keywords: transparency of information, formation of the judicial case, principle of transparency, selection of candidates, public confidence, qualification examination.

В демократическом государстве власть призвана служить обществу, в том числе это касается и судебной власти, которая в

первую очередь направлена на удовлетворение потребности социума в справедливом и своевременном правосудии. В правовом

государстве осуществление функций судебной власти, как и любой другой ветви власти, всегда сопровождается различными формами ответственности власти перед обществом в целом и каждым человеком в отдельности в случае нарушения носителями власти соответствующих принципов ее осуществления. Одним из способов обеспечения такой ответственности является открытость и прозрачность осуществления деятельности.

Открытость и прозрачность деятельности публичной власти является одним из факторов развития института общественного контроля и создания диалога между публичной властью и гражданским обществом¹. Доступность информации о судебной системе и информационная открытость судебной власти признается основополагающим принципом судебной власти² и является важной составляющей повышения доверия общества к суду и авторитета судебной власти³.

При этом без соблюдения принципа открытости информации и прозрачности применяемых процедур при формировании судейского корпуса невозможно обеспечить доверие общества к судебной власти, в том числе легитимности⁴ такой власти.

Принципы открытости и прозрачности широко применяются в отношениях с участием государства, его органов и должностных лиц, обеспечивая гласность и доступность их деятельности, соответствующих процедур и информации⁵, в том числе

в целях ликвидации коррупционных проявлений, злоупотреблений и нарушений прав, свобод и законных интересов граждан и юридических лиц.

В настоящее время единого для всех областей правового регулирования понятия принципов открытости и прозрачности не имеется. В каждой сфере общественных отношений эти принципы реализуются по-разному, но основными направлениями их реализации устанавливаются прозрачность деятельности органов публичной власти и их должностных лиц, применяемых процедур, а также открытость информации, т.е. свободный доступ граждан и юридических лиц к полной и достоверной информации об их деятельности.

Вместе с тем в судебной деятельности принципы открытости и прозрачности развиваются и нашли свое применение только в части доступности информации о деятельности судов⁶, но при формировании судейского корпуса эти принципы не получили закрепления ни в законодательстве, ни в правоприменительной практике.

Представляется, что совершенствование формирования судейского корпуса, предполагающее полную открытость и прозрачность этого процесса, а также доступность информации о формировании судейского корпуса России на всех этапах и стадиях обеспечит высокий уровень доверия общества к судьям как к носителям судебной власти.

На этапе пополнения судейского корпуса необходимо создание прозрачного и понятного механизма отбора, гарантирующего выбор профессионала, обладающего соответствующей квалификацией в области права, высокими моральными качествами и способностями осуществлять судебную деятельность.

Достижению этой цели будут способствовать следующие меры по совершенствованию действующего законодательства:

¹ Макарова О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 54–62.

² Анишина В.И., Артемов В.Ю., Большова А.К. и др. Правосудие в современном мире : монография / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. М. : Норма, Инфра-М, 2012.

³ Президент выступил на торжественном собрании, посвященном 95-летию Верховного Суда. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56688> (дата обращения: 09.05.2021); Всероссийская научно-практическая конференция «Судебная власть в современном обществе». URL: <http://www.ssrp.ru/news/lienta-novostiei/39437> (дата обращения: 09.05.2021).

⁴ Законность в Российской Федерации : монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров, В.П. Кашепов. М., 2008.

⁵ См., например: ст. 28, 36 Бюджетного кодекса Российской Федерации; ст. 6, 7 Федерального закона от 5 апреля 2013 г. № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»; ст. 29 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации»; ст. 13 Федерального

закона от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»; ст. 8.1 Федерального закона от 29 июля 1998 г. № 135-ФЗ «Об оценочной деятельности в Российской Федерации»; Приказ ФАС России от 10 ноября 2015 г. № 1069/15 «Об утверждении Положения об информационной политике Федеральной антимонопольной службы и ее территориальных органов» // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Федеральный закон от 22 декабря 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

1) замена квалификационного экзамена, проводимого по экзаменационным билетам, на комплексное компьютерное тестирование по всем отраслям права с выставлением баллов. Проверка знаний и квалификации претендента на должность судьи путем тестирования позволит, во-первых, осуществить более качественную и обширную проверку знаний по всем отраслям права, а во-вторых, исключит субъективизм членов экзаменационной комиссии при выставлении оценок, а также помощь и протектирование конкретным претендентам;

2) обязательная публикация информации об открытой вакансии не только в печатном издании, но и на сайте квалификационной коллегии судей и соответствующего суда. Доступность данной информации в различных источниках обеспечит наличие большего количества претендентов, что, соответственно, повысит возможность выбора лучшего кандидата.

Кроме того, необходимо систематизировать наличие вакантных должностей, в том числе высвобождающихся в ближайшее время, чтобы максимально быстро и качественно осуществить заполнение свободных мест и не допускать чрезмерной нагрузки на судей;

3) утвердить перечень обязательных проверок и органов, которые обязаны представлять соответствующие сведения квалификационным коллегиям судей. В настоящее время квалификационные коллегии судей вправе запросить соответствующие сведения у органов государственной власти, при этом ни перечень органов, ни перечень запрашиваемых сведений законодательством не определен, что, соответственно, приводит к отсутствию должного уровня проверки кандидата и возможному злоупотреблению правом при проверке конкретного кандидата;

4) установление в законодательстве шкалы оценки претендентов, подавших в квалификационную коллегию судей заявление о рекомендации их на вакантную должность. Законодательное закрепление объективных критериев позволит сделать процедуру рекомендации кандидата понятной и прозрачной, поскольку квалификационные коллегии судей будут принимать решение о рекомендации конкретного кандидата не на основании личных предпочтений и симпатий, а на основании заранее установленных критериев, обеспечива-

ющих справедливый выбор лучшего кандидата, отвечающего задачам пополнения судейского корпуса квалифицированными кадрами;

5) изменение полномочий Комиссии при Президенте РФ по предварительному рассмотрению вопросов назначения судей и прекращения их полномочий (далее — Комиссия), а именно исключение права отказа без указания причин кандидату, получившему рекомендацию соответствующей квалификационной коллегии судей, и замена такого права Комиссии на обязанность проверки процедуры отбора кандидата и подготовки рекомендации Президенту РФ в случае ее соблюдения. При назначении судей на должности должны соблюдаться гарантии транспарентности и практической независимости процедуры назначения судей⁷;

6) установить обязанность Комиссии составить письменный мотивированный отказ в рекомендации и право кандидата обжаловать такой отказ в судебный орган. Отсутствие такого порядка в настоящее время устанавливает широкие дискреционные полномочия Комиссии и не обеспечивает должный уровень прозрачности в назначении кандидатов, что явно не способствует доверию со стороны общества судьям, назначаемым кулуарно.

Формирование судейского корпуса включает в себя не только этап пополнения судейского корпуса, но и пребывание судьи в должности, приостановление (прекращение) их полномочий. Следовательно, данные процессы также должны проходить в условиях открытости информации и прозрачности процедуры, понятной и ясной как самим судьям и органам (должностным лицам), их осуществляющим, так и обществу, осуществляющему контроль проводимых процедур. Открытость органов публичной власти позволяет ей создавать среду открытого диалога с гражданами и, таким образом, обеспечивать высокий уровень доверия со стороны граждан, привлекая широкое внимание к вопросам государственного управления и вовлекая граждан в совместный поиск решений проблем⁸.

⁷ Андрусенко С.П., Голованова Н.А., Гравина А.А. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : научно-практическое пособие / отв. ред. В.П. Кашепов. М. : ИГиСП, Анкил, 2012.

⁸ Макарова О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 57.

В данном случае повышение доверия общества к судебной власти будет связано с доступностью информации о проводимых мероприятиях и проверках в отношении поведения и деятельности судьи, а также ясностью применяемых понятий, критериев и объективностью оценивания.

Во-первых, необходимо установить в законодательстве понятие поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также критерии его отграничения от иных поступков, не влекущих досрочное прекращение полномочий судьи, чтобы исключить случаи произвольного досрочного прекращения полномочий судьи.

Во-вторых, важно дополнить основания досрочного прекращения полномочий судей, установленные ст. 14 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», случаями совершения поступка, порочащего честь и достоинство судьи, выявления иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, и несоблюдения требований, ограничений и запретов, установленных Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции». В настоящее время в подп. 13 п. 1 указанной статьи имеется основание досрочного прекращения полномочий судьи в случае совершения судьей дисциплинарного проступка. Однако понятие дисциплинарного поступка не тождественно указанным выше основаниям. При этом лишение полномочий судьи является правом квалификационной коллегии судей, которая за установленный факт совершения дисциплинарного поступка может применить наказание в виде лишения полномочий, а может

и усмотреть другой вид наказания. Как справедливо замечено А.А. Гравиной, «механизм привлечения судей к дисциплинарной ответственности не обеспечивает в должной мере их независимость, не исключает субъективный подход и нуждается в реформировании»⁹. Вместе с тем совершение поступка, порочащего честь и достоинство судьи, выявление иных обстоятельств, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, и несоблюдение коррупционных требований, ограничений и запретов является серьезным нарушением в деятельности судьи, что подрывает не только доверие к судье, но и авторитет судебной власти, а следовательно, должно пресекаться законом.

На основании изложенного можно сделать вывод, что формирование судейского корпуса имеет ряд существенных недостатков и пробелов. Совершенствование сложившегося порядка формирования судейского корпуса и устранение имеющихся проблем путем информационной доступности процесса формирования судейского корпуса, изменения полномочий участвующих в отборе судей органов и должностных лиц, уточнения оснований досрочного прекращения полномочий судьи позволит обеспечить реализацию принципа открытости и прозрачности судебной деятельности в аспекте формирования судейского корпуса, а следовательно, повышение доверия общества к судебной власти и к государству в целом.

⁹ Гравина А.А. Концепция развития законодательства о судостроительстве // Концепция развития российского законодательства / под ред. Т.Я. Хабриевой, Ю.А. Тихомирова. М., 2015. С. 434.

Литература

1. Гравина А.А. Концепция развития законодательства о судостроительстве / А.А. Гравина // Концепция развития российского законодательства : монография. 7-е изд., доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, А.И. Абрамова [и др.]; ответственные редакторы Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. Москва : Юриспруденция, 2015. С. 423–436.
2. Законность в Российской Федерации : монография / ответственные редакторы Ю.А. Тихомиров, В.П. Кашепов. Москва : Контракт, 2008. 624 с.
3. Макарова О.В. Общественный контроль за соблюдением открытости информации о деятельности публичной власти // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 54–62.
4. Международно-правовые стандарты в уголовной юстиции Российской Федерации : научно-практическое пособие / ответственный редактор В.П. Кашепов. Москва : ИЗИСП, Анкил, 2012. 312 с.
5. Правосудие в современном мире : монография / под редакцией В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. Москва : Норма, Инфра-М, 2012. 704 с.

Значение стадии подготовки дел к судебному разбирательству и ее задачи

Дербишева Ольга Александровна,

старший преподаватель кафедры гражданского права и процесса
Академии Министерства внутренних дел Донецкой Народной Республики
имени Ф.Э. Дзержинского
olga.aleksandrovna.d@mail.ru

Кудрявцева Ирина Витальевна,

техник-технолог Донецкой железной дороги
irene-kiv@mail.ru

В статье детально рассматриваются задачи, решаемые на стадии подготовки дел к судебному разбирательству согласно Гражданскому процессуальному кодексу Донецкой Народной Республики, приводится краткое содержание решаемых задач. Проводится анализ взаимодействия участников судебного разбирательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и рассматриваются факторы, влияющие на его качественную подготовку. Указывается на важность решаемых задач, так как недостаточное их выполнение может быть причиной судебной ошибки или затягивания судебного рассмотрения. Проведен анализ основных публикаций ученых-правоведов по вопросам значения и качества подготовки дела к судебному разбирательству. Приведены статистические данные о составе участвующих в деле лиц в гражданском судопроизводстве и общее количество оконченных дел за 1 полугодие 2021 г. Рассмотрен обзор судебной практики разрешения судами споров по вопросам, связанным с воспитанием детей в 2008–2010 гг. Для оптимизации гражданского судопроизводства в дальнейшем указывается на необходимость максимально исключить формальное отношение к стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а также необходимость повысить ее значимость в обеспечении должных условий для качественного судебного разбирательства по гражданским делам.

Ключевые слова: стадия, суд, судебное разбирательство, стороны, дело.

The Meaning of a Stage of Preparation of Cases for Judicial Proceedings and Its Tasks

Olga A. Derbisheva

Senior Lecturer of the Department of Civil Law and Procedure
of the F.E. Dzerzinskiy Academy of the Ministry of the Internal Affairs
of the Donetsk People's Republic

Irina V. Kudryavtseva

Process Technician at the Donetsk Railway

The article discusses in detail the tasks being solved at the stage of preparing cases for trial according to the Civil Procedure Code of the Donetsk People's Republic, provides a summary of the tasks being solved. The analysis of the interaction of participants in the trial at the stage of preparing the case for trial is carried out and the factors affecting its qualitative preparation are considered. It is pointed out the importance of the tasks being solved, since their insufficient implementation may be the cause of a judicial error or delay in judicial review. The analysis of the main publications of legal scholars on the importance and quality of preparing a case for trial is carried out. Statistical data on the composition of persons participating in the case in civil proceedings and the total number of completed cases for the 1st half of 2021 are given. The review of judicial practice of dispute resolution by courts on issues related to the upbringing of children in 2008–2010 is considered. In order to optimize civil proceedings, it is further pointed out that it is necessary to exclude as much as possible a formal attitude to the stage of preparing a case for trial, as well as the need to increase its importance in ensuring proper conditions for high-quality trial in civil cases.

Keywords: stage, court, trial, parties, case.

Целью гражданского процесса является восстановление нарушенного права, т.е. вынесение судебного решения и его исполнение. Данную задачу можно решить при условии поэтапного прохождения определенных стадий гражданского процесса.

С 1 июля 2021 г. в Донецкой Народной Республике вступил в силу Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики¹ (далее — ГПК ДНР),

¹ Гражданский процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики : принят Постановлением

принятый Постановлением Народного Совета 30 апреля 2021 г.

Подготовка дела к судебному разбирательству — это обязательная стадия гражданского процесса, являющаяся важным этапом перед рассмотрением самого дела, так как от нее во многом зависит сам процесс рассмотрения дела. Объем подготовительных процессуальных действий по конкретным категориям гражданских дел имеет свою специфику, которая определяется характером спорного правоотношения, сложностью дела, проблемами доказывания, степенью спорности аргументов, а также иными фактами².

Обязательное осуществление требований закона в проведении необходимой подготовки гражданских дел к судебному разбирательству считается одним из главных условий правильного и своевременного разрешения дела³.

Данным вопросом интересовались многие ученые-правоведы, такие как: К.С. Юдельсон, Я.Х. Беков, В. Блажеев, Е.Е. Уксусова, Г.А. Жилин, В.В. Шпак и многие другие.

Так, по мнению Я.Х. Бекова, подготовка гражданского дела выступает «совокупностью взаимосвязанных норм гражданского процессуального права общего и определенного характера, которые регулируют процессуальные правоотношения судьи, сторон, а также иных участников процесса на стадии подготовки дела к судебному разбирательству»⁴. А.А. Власов рассматривает подготовку дела к судебному разбирательству как «совокупность гражданских процессуальных действий, совершаемых судьей, с целью рассмотреть, а также законно и обоснованно разрешить дело в первом же судебном заседании с минимальными затратами процессуальных средств и сил

участников процесса»⁵. Таким образом, по мнению ученых-правоведов, уже на стадии подготовки дела к судебному разбирательству закладывается так называемая основа судебного разбирательства.

К целям подготовки к судебному разбирательству относится следующее: выяснение возможности разбирательства дела при определенном составе суда; выяснение возможности рассмотрения дела при имеющихся доказательствах; закрепление процессуального положения лиц, участвующих в деле. В.В. Блажеев и Е.Е. Уксусова считают, что подготовка дела к судебному разбирательству — это «самостоятельная часть производства, включающая в себя комплекс процессуальных действий судьи и лиц, которые принимают участие в деле, направленных на осуществление своевременного и правильного разрешения дела»⁶.

От качества подготовки дела к судебному разбирательству во многом зависит своевременное, эффективное и правильное разрешение судебного разбирательства. К.С. Юдельсон⁷ полагал, что цель предварительной подготовки дела состоит:

— во-первых, в обязанности судьи обеспечить ко дню слушания дела все необходимые доказательства с целью установления фактов и отношений, действительно имевшихся в прошлом;

— во-вторых, в обеспечении возможности полного рассмотрения дела в одном судебном заседании с вынесением законного и аргументированного решения.

Целью исследования является рассмотрение краткого содержания задач и анализ взаимодействия участников судебного разбирательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству и выявление факторов, влияющих на его качественную подготовку.

Подготовка дела к судебному разбирательству представляет собой самостоятельную цель, достичь которую возможно при совершении процессуальных действий, действий суда и участников

Народного Совета № 278-ІІНС от 30 апреля 2021 г. URL: <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaia-deyatelnost/prinyatie/zakony/grazhdanskij-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

² Слепченко Е.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству // Вестник СПбГУ. Серия 14: Право. 2012. № 2. С. 69–75.

³ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2008 г. № 11 (ред. от 09.02.2012) «О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству» // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве: монография. М.: Волтерс Клувер, 2010.

⁵ Власов А.А. Гражданский процесс: учебник и практикум для вузов. 9-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство «Юрайт», 2021.

⁶ Блажеев В.В. Гражданский процесс: учебник для бакалавров / отв. ред. В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. М.: Проспект, 2015.

⁷ Предварительная подготовка дела в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. М.: Юрид. изд-во МЮ СССР, 1948.

Таблица 1

Задачи подготовки дела к судебному разбирательству

Задачи подготовки дела к судебному разбирательству	Краткое содержание задач при подготовке дела к судебному разбирательству	Участники
уточнение фактических обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела	действия судьи и лиц, участвующих в деле, по определению юридических фактов, по сути требований и возражений сторон, с учетом характера спорного правоотношения и применяющихся правовых норм	судья, стороны процесса
определение закона, которым следует руководствоваться при разрешении дела, и установление правоотношений сторон	учет фактических обстоятельств, предмета и основания иска, возражений ответчика и иных юридически значимых обстоятельств	судья, ответчик
разрешение вопроса о составе лиц, участвующих в деле, и других участников гражданского процесса	участие тех или иных лиц в процессе по конкретному делу определяется характером спорного правоотношения и наличием материально-правового интереса	судья, стороны процесса, третьи лица
представление необходимых доказательств сторонами, другими лицами, участвующими в деле	представление доказательств является задачей сторон и других лиц, участвующих в деле (эксперт, специалист, переводчик и др.)	судья, стороны процесса, третьи лица
примирение сторон	заключение мирового соглашения, отказ истца от иска, признание ответчиком исковых требований, проведение процедуры медиации, которую стороны вправе проводить на любой стадии судебного разбирательства	судья, стороны процесса, медиатор

дела, а также истребовании доказательств, уточнении фактов по делу и проверки; надлежащего оформления совершенных процессуальных действий.

Задачи подготовки дела к судебному разбирательству регламентируются ст. 148 ГПК ДНР⁸. Их краткое содержание приведено в таблице 1.

Таким образом, во всех задачах при подготовке дела к судебному разбирательству принимает участие судья, одна из сторон или обе стороны судебного процесса, а также могут быть привлечены третьи лица, например, эксперты, специалисты, переводчики, медиаторы и др.

На основе анализа «Отчета о работе судов общей юрисдикции о рассмотрении гражданских, административных дел по первой инстанции» за 1 полугодие 2021 г. доля дел с участием более 3 истцов или ответчиков, по гражданским искам — о защите прав и законных интересов группы лиц, дел с участием специалиста и других дел из общего числа незначительна. Общее количество таких дел приведено в таблице 2, составленной на основе⁹.

По мнению Г.А. Жилина, в литературе справедливо отмечается, что существует

несколько важных направлений процессуальной деятельности суда в стадии подготовки, которые не охватываются закрепленными непосредственно в законе задачами подготовки дела к судебному разбирательству¹⁰. К ним относятся: своевременное представление требуемых доказательств в суд; явка лиц, участвующих в деле, и лиц, содействующих исполнению правосудия в судебном заседании; выполнение предстоящего решения суда; разъяснение процессуальных прав и обязанностей лицам, участвующим в деле, и иным субъектам процесса.

Приведенные задачи считаются неотъемлемыми составляющими стадии подготовки дел к судебному разбирательству, так как неисполнение либо недостаточное исполнение любой из вышеперечисленных задач может быть причиной судебной ошибки или привести к затягиванию судебного рассмотрения. Таким образом, задачи подготовки дела к судебному разбирательству регламентируют основные направления деятельности всех участников судебного процесса на стадии подготовки.

Согласно Обзору судебной практики за 2008–2010 гг. по вопросам, связанным

⁸ Там же.

⁹ Сводные статистические сведения о деятельности федеральных судов общей юрисдикции и мировых судей за 1 полугодие 2021 года. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=5896>

¹⁰ Жилин Г.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / отв. ред. Г.А. Жилин. 7-е изд., перераб. и доп. М. : Проспект, 2014.

Таблица 2

Количество окончанных дел в гражданском производстве за 1 полугодие 2021 г.

Наименование показателя	Гражданское судопроизводство
с участием более 3 истцов или ответчиков	93 674
с участием более 10 истцов или ответчиков	2 895
с участием по коллективным административным искам, по гражданским искам — о защите прав и законных интересов группы лиц (20 и более истцов в соответствии со ст. 244.20 ГПК РФ)	361
по обращениям финансовых управляющих в связи с рассмотрением дел о банкротстве в арбитражных судах	211
рассмотрено с участием специалиста	5 696
всего окончено гражданских дел за анализируемый период	10 772 375

с воспитанием детей, было выявлено, что еще имеют место многочисленные случаи формального отношения судей к подготовке дела к судебному разбирательству. Это приводит к тому, что слушания по делам неоднократно откладываются, нарушаются сроки рассмотрения дел, вынесенные судебные постановления отменяются судом кассационной инстанции. Также было установлено, что органами опеки и попечительства иногда нарушаются сроки проведения обследования условий жизни ребенка и лица (лиц), претендующего на его воспитание, и представления суду акта обследования и заключения по существу спора, однако суды зачастую оставляют эти факты без должного реагирования [6].

По мнению В.В. Шпака, сложившийся в ГПК институт подготовки дела к судебному разбирательству нуждается

в дальнейшем совершенствовании ввиду значительного количества оценочных категорий¹¹.

Для усовершенствования процесса подготовки дела к судебному разбирательству полагаем целесообразным максимально исключить формальное отношение к стадии подготовки дела к судебному разбирательству, повысить ее значимость в обеспечении необходимых условий для качественного судебного разбирательства по гражданским делам. Это будет способствовать оптимизации гражданского судопроизводства в дальнейшем.

¹¹ Шпак В.В. Оптимизация гражданского судопроизводства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 103–105. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/optimizatsiya-grazhdanskogo-sudoproizvodstva-na-stadii-podgotovki-dela-k-sudebnomu-razbiratelstvu>

Литература

1. Беков Я.Х. Подготовка дела к судебному разбирательству в гражданском судопроизводстве : монография / Я.Х. Беков. Москва : Волтерс Клувер, 2010. 176 с.
2. Блажеев В.В. Гражданский процесс : учебник для бакалавров / ответственные редакторы В.В. Блажеев, Е.Е. Уксусова. Москва : Проспект, 2015. 736 с.
3. Власов А.А. Гражданский процесс : учебник и практикум для вузов / А.А. Власов. 9-е изд., перераб. и доп. Москва : Юрайт, 2021. 470 с.
4. Жилин Г.А. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный) / ответственный редактор Г.А. Жилин. 7-е изд., перераб. и доп. Москва : Проспект, 2014. 864 с.
5. Слепченко Е.В. Подготовка гражданских дел к судебному разбирательству / Е.В. Слепченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2012. № 2. С. 69–75.
6. Шпак В.В. Оптимизация гражданского судопроизводства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству / В.В. Шпак // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 7. С. 103–105.
7. Юдельсон К.С. Предварительная подготовка дела в советском гражданском процессе / К.С. Юдельсон. Москва : Юридическое издательство МЮ СССР, 1948. 30 с.

DOI: 10.18572/1812-3791-2022-7-61-64

К вопросу об особенностях процедуры продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий

Цилюрик Ульяна Сергеевна,

помощник судьи Суда по интеллектуальным правам,

аспирант Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина

Uliana@mail2k.ru

В продолжение работы о назначении и пределах функционирования норм п. 2 ст. 1363 Гражданского кодекса Российской Федерации* в настоящей статье раскрываются имеющие практическое значение особенности процедуры продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий.

Автор иллюстрирует каждый из этапов этой процедуры примерами из правоприменительной практики, на основании чего делает выводы о достаточно высокой степени нормативной регламентации и об эффективности практического применения правовых норм в этой сфере.

Ключевые слова: интеллектуальные права, патентное право, патент, продление срока, медицинские технологии, лекарственные средства.

On Specific Features of the Procedure for Extension of the Exclusivity Period in Respect of an Invention in the Medical Technology Sphere

Ulyana S. Tsilyurik

Assistant Judge of the Intellectual Property Court

Postgraduate Student of the Kutafin Moscow State Law University

In continuation of the work on the purpose and limits of the functioning of the norms of paragraph 2 of Article 1363 of the Civil Code of the Russian Federation, this article reveals the practical features of the procedure for extending the validity of exclusive rights to inventions in the field of medical technologies.

The author illustrates each of the stages of this procedure with examples from law enforcement practice, on the basis of which she draws conclusions about a sufficiently high degree of regulation and the effectiveness of the practical application of legal norms in this area.

Keywords: intellectual property rights, patent law, patent, extension of term, medical technologies, medicines.

Порядок и основания продления срока действия исключительного права на изобретение регламентированы нормами п. 2 и 4 ст. 1363 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее — ГК РФ), механизм функционирования которых может быть представлен в виде следующей схемы (рис.).

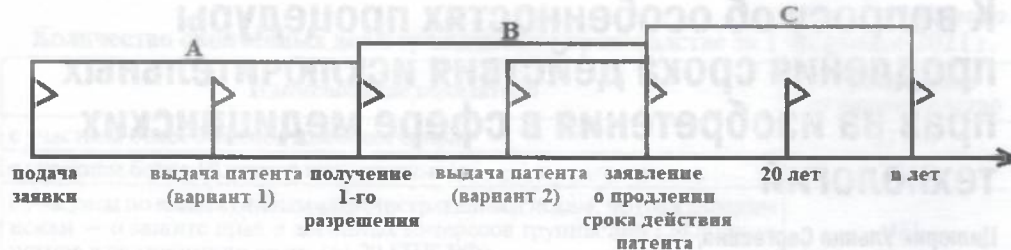
В силу п. 4 ст. 1363 ГК РФ основными нормативными правовыми актами, регламентирующими порядок выдачи дополнительного патента на изобретение и продления срока действия патента на

изобретение, являются Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение, утвержденный приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 809² (далее — Порядок), и Административный регламент предоставления Федеральной службой

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // СЗ РФ. 2006. № 52 (ч. 1). Ст. 5496.

² Порядок выдачи и действия дополнительного патента на изобретение, продления срока действия патента на изобретение, утвержденный приказом Министерства экономического развития Российской Федерации от 3 ноября 2015 г. № 809 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2016. № 7.

* Цилюрик У.С. К вопросу о назначении, содержании и пределах функционирования механизма продления срока действия исключительного права на изобретения в сфере медицинских технологий // Российский судья. 2022. № 6. С. 60–64.

где:

5 лет < A < 20 лет;

0 < B ≤ 6 месяцев;

C = A — 5 лет;

0 < C ≤ 5 лет;

20 лет < n < 25 лет.

Рисунок

по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента, утвержденный приказами Министерства экономического развития Российской Федерации и Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 2 ноября 2021 г. № 180³. Кроме того, особенности реализации соответствующих мероприятий разъяснены в подготовленных Федеральной службой по интеллектуальной собственности Рекомендациях по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента⁴.

³ Административный регламент предоставления Федеральной службой по интеллектуальной собственности государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента, утвержденный приказами Министерства экономического развития Российской Федерации и Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 2 ноября 2021 г. № 180 // Официальный интернет-портал правовой информации: <http://pravo.gov.ru>

⁴ Рекомендации по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по продлению срока действия исключительного права на изобретение и удостоверяющего это право патента // Официальный сайт Федеральной службы по интеллектуальной собственности. URL: https://rospatent.gov.ru/ru/documents/rec_pcd_iz/download (дата обращения: 04.05.2022).

Как следует из названных подзаконных нормативных правовых актов и акта разъяснения законодательства, процедура продления срока действия исключительного права на изобретение включает в себя такие этапы, как:

1) подача заявления с приложенными к нему документами;

2) проверка соответствия признаков представленной заявителем формулы изобретения характеристикам относящегося к лекарственному средству продукта, на применение которого получено разрешение;

3.1) направление запроса с указанием оснований, по которым срок действия патента не может быть продлен, и предложением в течение трех месяцев со дня направления указанного запроса представить дополнительные материалы (в случае отрицательного результата осуществления второго этапа процедуры);

3.2) удовлетворение заявления, продление срока действия исключительного права на изобретение и выдача дополнительного патента на изобретение (в случае положительного результата осуществления второго этапа процедуры).

Реализация первого этапа процедуры продления срока действия исключительного права на изобретение становится возможной при условии, что с момента подачи заявки на выдачу патента на изобретение до дня получения первого разрешения на применение продукта

(лекарственного средства) прошло более пяти лет.

При этом важно учитывать, что в отношении изобретения, правовая охрана которому предоставлена по выделенной заявке, датой подачи заявки по смыслу п. 2 ст. 1363 ГК РФ считается дата приоритета изобретения по первоначальной заявке, из которой была выделена новая заявка⁵.

Исходя из этой сформулированной в правоприменительной практике позиции срок действия исключительного права на изобретение, правовая охрана которому предоставлена по выделенной заявке, может быть продлен и тогда, когда разрешение на применение относящегося к лекарственному средству продукта было получено еще до даты подачи выделенной заявки на выдачу патента.

Заявление о продлении срока действия исключительного права на изобретение и о выдаче дополнительного патента на изобретение может быть подано не позднее шести месяцев с момента получения первого разрешения на применение продукта (лекарственного средства) либо с момента выдачи патента, в зависимости от того, какой из двух указанных моментов наступил позднее.

Как отмечалось ранее, до 31 декабря 2014 г. законодатель допускал возможность продления срока действия исключительного права на изобретение в полном объеме характеризующей его формулы, в то время как начиная с 1 января 2015 г. такая возможность ограничилась пределами, в которых признаки первоначальной формулы изобретения совпадают с признаками относящегося к лекарственному средству продукта, на применение которого выдано разрешение. Именно по этой причине в противовес актуальной на сегодняшний день категории «первое разрешение на применение продукта» ранее действовавшее законодательство использовало категорию «разрешение на применение изобретения».

На практике это приводило к тому, что, получив в различные моменты вре-

мени разрешения на применение двух охраняемых одним и тем же патентом, но не совпадающих между собой лекарственных препаратов, патентообладатель мог лишиться возможности продлить срок действия исключительного права на соответствующее изобретение исходя из момента получения второго разрешения, если к этому времени истек шестимесячный срок с момента получения первого разрешения⁶.

На сегодняшний день с учетом внесенных законодателем изменений возникновение подобной ситуации невозможно. Если, получив разрешение на применение одного лекарственного препарата, патентообладатель утратил интерес к дальнейшему использованию, но впоследствии получил разрешение на применение другого лекарственного препарата и сохранил намерение по его использованию в течение как можно более долгого периода времени, такое лицо не может быть лишено возможности продлить срок действия исключительного права на изобретение в соответствующем характеристикам этого лекарственного препарата объеме формулы при условии подачи заявления в течение шести месяцев со дня получения второго разрешения, даже если аналогичный срок с момента получения первого разрешения уже истек. Такое положение вещей представляется справедливым и отвечающим законным интересам обладателей исключительных прав.

Следует отметить, что в отсутствие каких-либо разъяснений о смысле категории «момент получения разрешения» ранее правоприменительная практика исходила из того, что таким моментом является момент возникновения у патентообладателя фактического владения в отношении соответствующего документа⁷.

В настоящее же время недвусмысленное определение названной категории содержится в подп. 2 п. 8 Порядка, согласно которому днем получения первого

⁵ Решение Суда по интеллектуальным правам от 31 марта 2022 г. по делу № СИП-1141/2021 // СПС «КонсультантПлюс».

⁶ Решение Суда по интеллектуальным правам от 2 сентября 2014 г. по делу № СИП-155/2014 // СПС «КонсультантПлюс».

⁷ Решение Суда по интеллектуальным правам от 9 октября 2013 г. по делу № 81/2013 // СПС «КонсультантПлюс».

разрешения является дата регистрации лекарственного средства, указанная в регистрационном удостоверении лекарственного препарата.

Говоря о втором этапе процедуры продления срока действия исключительного права на изобретение, важно обратить внимание на то, что, устанавливая перечень обязательных к представлению документов, законодатель не ограничивает заявителей в возможности обосновать свою просьбу также и обстоятельствами, которые подтверждаются иными документами.

Согласно сложившемуся в правоприменительной практике подходу, при анализе соответствия признаков представленной заявителем формулы изобретения характеристикам относящегося к лекарственному средству продукта, на применение которого получено разрешение, не исключается учет других документов о конкретном средстве, в отношении которого Министерством здравоохранения Российской Федерации выдано разрешение, при условии, что они относятся к тому же лекарственному средству, в отношении которого выдано разрешение. Одним из таких документов может быть, например, регистрационное досье на лекарственный препарат⁸.

Содержание третьего этапа процедуры продления срока действия исключительного права на изобретение напрямую зависит от результатов второго. Подлежащая же учету на этом этапе особенность заключается в том, что в случае отрицательного результата осуществления второго этапа процедуры заявителю следует

внимательно отнестись к приведенным административным основаниям, по которым срок действия патента не может быть продлен, и предпринять все возможные меры для устранения этих оснований путем представления соответствующих дополнительных материалов.

В противном случае ограниченный шестимесячным сроком с момента получения первого разрешения на применение относящегося к лекарственному средству продукта шанс на подачу заявления о продлении срока действия исключительного права на изобретение будет безвозвратно упущен, а посетившую заявителя постфактум идею по исправлению недостатков представленных формулы или пакета документов, увы, нельзя будет успешно реализовать даже в судебном порядке⁹.

Таким образом, проведенный анализ свидетельствует о том, что действующее законодательство достаточно подробным образом регламентирует порядок продления срока действия исключительных прав на изобретения в сфере медицинских технологий, что выражается в наличии простого и понятного как для заявителей, так и для административного органа алгоритма действий. Вместе с тем не в полной мере урегулированные вопросы процедурного характера имеют место и по сей день, однако выявляемые пробелы успешно восполняются на основе системного и телеологического толкования действующих правовых норм, что свидетельствует об эффективности правоприменительной практики в этой сфере.

⁸ Решение Суда по интеллектуальным правам от 4 июня 2021 г. по делу № 1031/2020; постановление президиума Суда по интеллектуальным правам от 27 сентября 2021 г. по делу № 1031/2020 // СПС «КонсультантПлюс».

⁹ Решение Суда по интеллектуальным правам от 4 февраля 2020 г. по делу № 417/2019; Постановление Президиума Суда по интеллектуальным правам от 9 июля 2020 г. по делу № 417/2019 // СПС «КонсультантПлюс».

Литература

1. Цилюрик У.С. К вопросу о назначении, содержании и пределах функционирования механизма продления срока действия исключительного права на изобретения в сфере медицинских технологий / У.С. Цилюрик // Российский судья. 2022. № 6. С. 60–64.